

В. И. Ксенофонов

ЛЕНИНСКИЕ ИДЕИ

*В СОВЕТСКОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ
НАУКЕ
20-х ГОДОВ*

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени М. И. КАЛИНИНА

В. И. КСЕНОФОНТОВ

ЛЕНИНСКИЕ ИДЕИ
В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ
НАУКЕ 20-х годов

(дискуссия „диалектиков“ с механистами)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД 1975

*Представлено к изданию
Редакционно-издательским советом
Ленинградского политехнического института
имени М. И. Калинина*

В монографии освещается процесс реализации в СССР в 20-е годы ленинского завета о союзе философии и естествознания. Прослеживаются генезис и эволюция позиции механистов, ход их полемики с группой А. М. Деборина, дается развернутый анализ ошибок обеих сторон.

Книга рассчитана на преподавателей философии, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами истории марксистско-ленинской философии в СССР.

Рукопись рецензировали:

доктор философских наук, профессор *В. П. Федотов*
и кандидат исторических наук *Г. К. Кагарлицкий*

О плохих материалистах Маркс, Энгельс... разговаривали, считаясь с ними и желая исправить их ошибки...

В. И. Ленин

Полн. собр. соч., т. 18, с. 252

ВВЕДЕНИЕ

В нашей историко-философской литературе уже указывалось, что осознание советскими философами и учеными фундаментального значения ленинского философского наследия, а стало быть, и утверждение ленинского этапа в развитии марксистской философии, было не каким-то единовременным актом, а длительным и сложным процессом, проходившим отнюдь не гладко.¹ Как справедливо отметил М. Б. Митин, это был по сути дела процесс борьбы за глубокое философское осмысление опыта Великой Октябрьской социалистической революции, практики строительства нового общества, за осознание философских основ всей ленинской революционной деятельности.

В первые годы Советской власти многие советские философы не ставили вопроса о новом этапе в развитии марксизма, связанном с философской деятельностью В. И. Ленина. Наиболее отчетливо это проявлялось в выступлениях так называемых «ликвидаторов философии» и механистов, ставивших под сомнение само существование философии, игнорировавших (в первой половине 20-х годов) философское наследие В. И. Ленина, в частности его программную статью «О значении воинствующего материализма». А. М. Деборин — глава группы советских философов, боровшихся с этими тенденциями, начиная с 1924 г. опубликовал ряд работ, пропагандировавших ленинское философское наследие.²

В партийных документах термин «ленинизм» стал широко употребляться с середины 20-х годов. Так, в решениях XIII пар-

¹ См.: Митин М. Б. Некоторые проблемы развития диалектического материализма в послеоктябрьскую эпоху. — «Вопросы философии», 1968, № 1; Суворов Л. Н. К оценке ленинского этапа философии марксизма в советской литературе 20-х — начала 30-х годов. — «Философские науки», 1968, № 2.

² Деборин А. М. В. И. Ленин — воинствующий материалист. — «Под знаменем марксизма», 1924, № 1, с. 15.

тийной конференции говорится: «По образцу крупнейших пролетарских организаций необходимо создать во всех наших организациях кружки по изучению ленинизма, взяв за основное пособие прежде всего собрания сочинений тов. Ленина». ³ XIII съезд РКП(б) указал на необходимость внесения ленинизма в преподавание всех общественных дисциплин и его внимательного изучения; съезд решил создать научный центр по изучению и публикации ленинского теоретического наследия — Институт Ленина. Партия развернула большую работу по выполнению этих решений. В 1920 — 1926 гг. было осуществлено первое широко комментированное издание Сочинений В. И. Ленина в двадцати томах, позволившее полнее представить его облик как теоретика и философа, а в 1925 — 1932 гг. — второе (и параллельно — третье), исправленное и дополненное издание.

На основе этих публикаций с середины 20-х годов начались широкое и всестороннее изучение и популяризация философского наследия В. И. Ленина. Выходят работы В. В. Адоратского, В. А. Быстрянского, С. Гоникмана, А. М. Деборина, И. К. Луппола, А. В. Луначарского, В. И. Невского, М. С. Ольминского, А. К. Топоркова, А. Я. Троицкого, Е. М. Ярославского и др. В ходе дискуссии, состоявшейся в 1930 г., широкой и острой критике была подвергнута недооценка А. М. Дебориным и некоторыми его сторонниками, а также — и в особенности — механистами ленинского этапа истории марксистской философии. В январе 1931 г. ЦК партии принял постановление о журнале «Под знаменем марксизма», нацелившее советских ученых на борьбу на два фронта: с механицизмом, «представляющим попытку своеобразной ревизии марксизма», ⁴ и с формалистическим уклоном. В постановлении указывалось, что главной задачей марксистов является разработка ленинского этапа истории марксистской философии. К началу 30-х годов решение этой задачи окончательно утвердилось в советской философской науке в качестве главного направления ее развития.

Программа развития марксистской философии в СССР была намечена В. И. Лениным в статье «О значении воинствующего материализма». Основные пункты этой программы можно резюмировать следующим образом. Во-первых, борьба с религиозно-идеалистической философией. Во-вторых, широкая пропаганда материализма и атеизма среди трудящихся масс. Для выполнения указанных задач В. И. Ленин советовал, в-третьих, осуществить союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и выступают против идеализма и мистики. Необходимы солидное философское обоснова-

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I. М., 1954, с. 784.

⁴ Советская печать в документах. М., 1961, с. 80.

ние путей и результатов естественнонаучных исследований и переход ученых от стихийного естественнонаучного материализма к диалектическому материализму. Чтобы облегчить этот переход, требуются, в-четвертых, всесторонняя разработка теории материалистической диалектики, систематическое изучение образцов сознательного философского материализма и диалектики, особенно диалектики Гегеля; философское обобщение выводов современного естествознания и опыта новейшей истории. Как видно, все пункты многогранной и широкой философской программы В. И. Ленина органически взаимосвязаны, вытекают один из другого.

В начале 20-х годов советские философы подвергли резкой критике буржуазно-идеалистическую философию и поповщину. Материалисты выступали в этой борьбе единым фронтом. Но как только на повестку дня в полном объеме встал вопрос об интерпретации и систематизации марксистской философии, как только центр тяжести был перенесен с проблемы защиты общих материалистических позиций на проблему обоснования и развития диалектического материализма, среди материалистов сразу же обнаружилось разногласие и завязалась острая и широкая дискуссия. Ведущая группа советских философов (называвшихся в ходе дискуссии «диалектиками»), которую возглавлял А. М. Деборин, искала решение указанной проблемы преимущественно на пути изучения исторически данных форм сознательного философского материализма и диалектики, прежде всего диалектики Гегеля. Представители другой группы философов и естествоиспытателей (их называли «механистами» и «нигилистами») намечали другое решение: естественнонаучное обоснование и подтверждение диалектического материализма, который они связывали прежде всего с «механическим миропониманием» — конкретной формой стихийного естественнонаучного материализма как мировоззрения большинства ученых-естественников того времени. Как видим, подход группы Деборина (не говоря уже о механистах) к конкретной реализации ленинской философской программы был слишком узким и упрощенным.

Дискуссия «диалектиков» и механистов, в центре которой стоял вопрос об отношении «механического» мировоззрения к диалектико-материалистическому, явилась одним из ключевых моментов сложного и противоречивого процесса становления и развития советской философской науки, утверждения в ней ленинских идей. В предлагаемой работе ставится задача показать на материале этой дискуссии, как реально протекал процесс вовлечения в научный оборот ленинского философского наследия, его осмысления и теоретического освоения. Рассматриваемая дискуссия привлекает в последнее время все более пристальное внимание исследователей. Однако большинство работ (М. Т. Иовчука, М. Б. Митина, Б. А. Чагина, Л. Н. Суворова, В. П. Федотова,

В. И. Клушина, А. В. Щеглова, В. И. Мальцева, Б. Д. Спиртуса и др.) посвящено преимущественно критике механистов и деборинцев и не содержит обстоятельного анализа хода самой дискуссии (исключение в этом плане составляют работы П. В. Алексеева и К. Х. Делокарова⁵). Необходимо также уточнить хронологические рамки дискуссии — ее начальный и завершающий этапы, вскрыть теоретические источники механицизма, показать эволюцию философских взглядов механистов в контексте идейной жизни того времени.

При решении вопроса о возникновении нигилистического, механистического поветрия в советской философской науке 20-х годов обычно мало внимания обращается на то, что это был период всеобщего обучения марксизму. Необычайно интенсивное распространение марксизма, так сказать, вширь, его популяризация подчас сопровождалась упрощительством и вульгаризацией.

Длительность и острота полемики «диалектиков» и механистов были обусловлены, в частности, тем обстоятельством, что и те, и другие допускали существенные ошибки. Для обеих сторон были характерны чрезмерная резкость в споре, стремление к монопольному положению в науке, элементы групповщины и т. д. Здесь приходится сталкиваться с крайне сложными и противоречивыми фактами, подход к оценке которых должен быть сугубо историческим, учитывающим особенности момента.

В живом движении философской мысли переплетались, пережегались оригинальные идеи и слепое подражание, успехи и неудачи, открытия и заблуждения. Анализируя этот процесс, историк должен опираться на принцип относительной самостоятельности развития идеологии. Искать в подобного рода ситуации для каждой теоретической ошибки социально-политический эквивалент было бы, на наш взгляд, пустым педанством, данью тому самому вульгарному социологизаторству, от которого предостерегали классики марксизма-ленинизма.

Следует помнить, что нельзя жестко разделить всех советских философов того времени на две группы по принципу: либо механист, либо деборинец. А. Ф. Вишневский, С. Ю. Семковский, А. К. Топорков, С. Ф. Васильев и некоторые другие марксисты, критикуя различные проявления механицизма в советской науке 20-х годов, в то же время видели (и критиковали) отдельные уязвимые моменты и в позиции группы Деборина. Не разделяли ошибочных положений Деборина боровшиеся с механицизмом В. Ф. Асмус, И. К. Луппол, А. К. Столяров, К. Милонов. На-

⁵ Алексеев П. В. Дискуссия с механистами по проблеме взаимосвязи философии и естествознания (вторая половина 20-х годов). — «Вопросы философии», 1966, № 4; Делокаров К. Х. Философские проблемы теории относительности. М., 1973. — К. Х. Делокаров широко освещает дискуссию с механистами по теории относительности.

конец, многие марксисты (особенно социологи), не примыкая ни к механистам, ни к деборинцам, вообще не принимали участия в этой дискуссии.

В исторической перспективе кое-что в полемике рассматриваемого периода справедливо кажется нам мелким и преходящим. Время решает большие споры, в том числе и тот спор, который в очищенном от некоторых наслоений виде представлен в данной работе. В центре его стояли вопросы, не потерявшие актуальности и сегодня: о взаимосвязи философской методологии и методов частных наук, о соотношении диалектики и системного подхода, об интерпретации сходства образа с объектом. Большое место занимала также проблема отношения марксизма к философии Гегеля.

* *
*

Пользуясь случаем, хочу выразить глубокую признательность своему многолетнему научному наставнику профессору В. П. Федотову, чья кропотливая работа над рукописью помогла улучшить ее.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ НИГИЛИСТИЧЕСКИХ И МЕХАНИСТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

§ 1. «Механическое миропонимание» — конкретная форма естественноисторического материализма

Течение механистов и философских нигилистов невозможно понять, если не проследить исторические судьбы такой старой философской традиции, как школы стихийного материализма в естествознании, который естествоиспытатели называли механическим миропониманием, связывая последнее в его исторической генеалогии с естественнонаучным материализмом XIX века как самостоятельной линией развития материализма.

В борьбе с «философской реакцией», т. е. с господствующими в «образованном обществе» философскими шатаниями в сторону идеализма, который зачастую смыкается с откровенной поповщиной, В. И. Ленин, как мы уже отмечали, придавал большое значение союзу философов с естествоиспытателями, тяготеющими к материализму и отстаивающими его. Изучение объективных законов природы и тесная связь с практикой материального производства создают в естествознании глубокую материалистическую тенденцию.

В. И. Ленин определял естественноисторический материализм как «стихийное, несознаваемое, неоформленное, философски-бессознательное убеждение подавляющего большинства естествоиспытателей в объективной реальности внешнего мира, отражаемой нашим сознанием».¹ Формулируя общие принципы естественноисторического материализма, необходимо подчеркнуть убежденность естествоиспытателей, во-первых, в объективности природы, во-вторых, в ее познаваемости, в-третьих, в ее изменчивости, т. е. в эволюции. Наиболее полно сущность естественно-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 367.

исторического материализма раскрывается в характеристике его как стихийно-материалистической теории познания. «Материя есть первичное, мысль, сознание, ощущение — продукт очень высокого развития. Такова материалистическая теория познания, на которой стихийно стоит естествознание».² Стихийным материализм естественников является потому, что лишен четкой философской оформленности: нет сознательного формулирования и применения философского понятия материи, нет знакомства с материалистической диалектикой как методом мышления и т. д.

Ученые-естественники, стремясь избежать «материалистической метафизики», называют свою точку зрения «механическим воззрением на природу», «традиционным механизмом» и т. п. Французский позитивист А. Рей, книгу которого «Теория физики у современных физиков» часто цитировал В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», указывал, что и среди новейших физиков есть продолжатели традиции «механизма». Это те физики, кто вслед за Лоренцем и Лармором формулирует электрическую теорию материи и приходит к выводу о непостоянстве массы. «Все они, — писал А. Рей, — механисты, ибо они за исходный пункт берут реальные движения».³ Следовательно, суть «механизма» в данном контексте — не столько в сведении всего к механике, сколько в принципах естественнонаучного материализма.

«Механическое мировоззрение» исходит из положения, что все качественные различия в природе объясняются в конечном счете движением. Поэтому физики определяли его как такое воззрение, согласно которому все физические явления могут быть полностью сведены к движению материальных «точек» и материальных элементов,⁴ и связывали прежде всего с принципом сохранения и превращения энергии. Характеризуя XIX столетие, Л. Больцман назвал его «веком механического миропонимания, веком Дарвина».⁵

Крупные ученые в начале XX века отмечали, что стремление к объединяющему мировоззрению имеет огромное значение не только для физики, но и для естествознания в целом. По мере перехода науки к изучению взаимосвязи различных областей природы в умы ученых все более проникала идея единства научного знания. «Наука, — писал М. Планк, — представляет собой внутренне единое целое. Ее разделение на отдельные области

² Там же, с. 72.

³ Там же, с. 279.

⁴ См.: Планк М. Единство физической картины мира. М., 1966, с. 52.

⁵ Больцман Л. Второй закон механической теории тепла. — В кн.: Философия науки. Естественнонаучные основы материализма, ч. I. Физика. Пг., 1924, с. 146. — Подобно тому как механическая картина мира была мировоззрением физиков XIX в., дарвинизм с его историческим методом был своеобразным мировоззрением биологов того времени.

обусловлено не столько природой вещей, сколько ограниченностью способности человеческого познания. В действительности существует непрерывная цепь от физики и химии через биологию и антропологию к социальным наукам, цепь, которая ни в одном месте не может быть разорвана, разве лишь по произволу. Большое внутреннее сходство имеют также и методы исследования в отдельных областях науки...». ⁶ В работах Л. Больцмана, М. Планка и других ученых этот новый уровень систематизации научных знаний, отличавшийся лишь более высокой степенью обобщения естественнонаучного материала, получил предварительное название единой научной картины мира. Последняя и должна была выполнять в рамках естественноисторического материализма мировоззренческую функцию.

Необходимо отметить, что естественники, как правило, жестко связывали свой материализм с конкретной картиной мира. Метафизическая абсолютизация представлений классической физики явилась непосредственной гносеологической причиной «физического» идеализма, этого «мертвого продукта» (В. И. Ленин) революции в физике на рубеже XIX—XX вв., кардинально изменившей старую, «механическую» картину мира. «Кризис физики» рельефно обнаружил, что метафизический материализм естественников не может быть философско-методологической базой новой физики, что такой базой может быть лишь диалектический материализм. «Материалистический основной дух физики, как и всего современного естествознания, победит все и всяческие кризисы, но только с непрременной заменой материализма метафизического материализмом диалектическим». ⁷ В. И. Ленин показал, что материализм не связан однозначно с признанием какой-то одной физической картины мира. «Это, конечно, сплошной вздор, будто материализм утверждал... обязательно «механическую», а не электромагнитную, не какую-нибудь еще неизмеримо более сложную картину мира как *движущейся материи*». ⁸

В естественнонаучном материализме, как и в философском, можно различать теорию и метод, «механическое миропонимание» и механистический метод, «механическое объяснение». «Механическое объяснение природы» означало у физиков каузальное или каузально-аналитическое ее объяснение, и здесь еще нет никакого механицизма и метафизики. Метафизическим подобное объяснение становилось тогда, когда физики приравнивали причинность к детерминизму лапласовского типа, а анализ — к сведению материи к качественно однородным и тождест-

⁶ Планк М. Происхождение научных идей и влияние их на развитие науки. — В кн.: Планк Макс. 1858—1958. М., 1958, с. 46.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 324.

⁸ Там же, с. 296.

венным последним первочастицам, будь то атом в XIX в. или электрон в XX в. Биологи под «механическим объяснением» живой природы, которое они противопоставляли виталистическим, телеологическим концепциям, также подразумевали универсальный каузально-аналитический, в данном случае физико-химический, метод объяснения явлений жизни.

Выдвижение в биологии на первый план физико-химических методов исследования было связано с тем, что начиная с конца XIX — начала XX в. физика заняла лидирующее положение в естествознании и стала оказывать исключительно сильное воздействие на развитие других его отраслей. Физико-химические экспериментально-аналитические методы дали мощный толчок новым направлениям исследования живого, проникновению науки в глубь клетки, т. е. в глубь элементарных живых систем.

Почему речь шла прежде всего об экспериментально-аналитических методах? Потому, что «синтезу должен предшествовать анализ явлений. Какой химик стал бы теперь делать попытки синтеза белков, когда еще не знали ближайшего состава этих белков? Задача современной физиологии исключительно аналитическая: физиология разлагает сложные жизненные явления на их простые начала. О синтетической биологии, о воспроизведении живых тел, конечно, ни один серьезный физиолог не мечтал еще».⁹ Стало быть, в рассматриваемый период в биологии преобладающее значение имели задачи анализа, расчленения целостного объекта исследования и изучения деталей строения и функционирования живых систем. Это приводило к тому, что в рамках «механического объяснения» анализ получал одностороннее истолкование — отрывался от синтеза и абсолютизировался. Односторонний аналитизм пронизывал все применявшиеся в биологии методы исследования, и прежде всего эксперимент. Последний вообще рассматривался как тождественный каузально-аналитическому методу.¹⁰

Нисколько не умаляя достоинств и заслуг исторического метода в биологии, К. А. Тимирязев в дополнение к нему страстно пропагандировал и экспериментально-аналитические физико-химические методы, иногда доходя в этой «страсти» до преувеличений, что объясняется ожесточенностью борьбы с ожившими виталистическими тенденциями. Витализму с его метафизической «жизненной силой» К. А. Тимирязев противопоставлял «механистическое», т. е. физико-химическое, направление в биологии.

В то время как представители «механистического» воззрения на жизнь тяготели к стихийному естественноисторическому мате-

⁹ Тимирязев К. А. Витализм и наука. — В кн.: Философия науки. Естественнонаучные основы материализма, ч. II. Биология. Пг., 1923, с. 75.

¹⁰ См.: Фролов И. Т. Очерки методологии биологического исследования. М., 1965, с. 221.

риализму, виталисты в подавляющем своем большинстве отвергали его. Витализм всегда находил поддержку в лице идеалистической философии. Советские марксисты, исследовавшие буржуазную философию того времени, отмечали, что в ней во главе угла стоит расплывчатое и туманное понятие «жизнь». Оно получает бесконечное многообразие толкований, но характерным для всех представителей философии жизни является противопоставление жизни миру неорганическому, «механическому». Это противопоставление приобретает значение универсальное, в его плоскости обосновывается содержание отдельных наук и философии. Формальное понятие жизни стало методологическим принципом объяснения.¹¹ Философия жизни отвергла «механистическое воззрение» науки с его принципом «голового причинного объяснения» явлений.

Таким образом, борьба «механизма» с витализмом была одним из конкретных проявлений борьбы стихийного естественноисторического материализма с идеализмом. Однако эффективность этой борьбы снижалась узостью мировоззренческого масштаба естественноисторического материализма. Крупный цитолог академик С. Г. Навашин писал: «Для меня, как и для большинства натуралистов, изучавших непосредственно живые существа, мировоззрение (на уровне теоретического осознания. — В. К.) исходит из проблемы — и почти ограничивается ею, — проблемы: откуда взялась жизнь на нашей планете?»¹² В других же, непрофессиональных вопросах мировоззрение ученого — стихийного материалиста остается на уровне обыденного сознания. Директор Биофизического института в Москве академик П. П. Лазарев утверждал, что в основу естественнонаучного мировоззрения вполне может быть положено представление об организме как сложной физико-химической машине. Суть «механистического воззрения на природу» он видел в том, что основные законы природы — законы сохранения вещества и энергии, второй закон термодинамики — применимы как к мертвой, так и к живой природе. Сложные процессы, протекающие в живом организме, сводятся к элементарным, связанным с общими законами физики и химии.¹³

В отличие от старого, классического «механизма» середины XIX в., пытавшегося понять жизнь как простую механику движения молекул, современный «биомеханизм» ставит своей задачей создать «биоэнергетику», т. е. понять жизнь энергетически. Следовательно, естественнонаучный материализм не только специфическим образом воплощается в отдельных науках, как это

¹¹ См.: Баммель Г. К. Сумерки идеалистической философии — «Печать и революция», 1922, № 7, с. 25.

¹² Навашин С. Г. Единицы жизни. М., 1925, с. 9.

¹³ См.: Лазарев П. Человеческий организм как физическая машина. М., 1922.

было показано нами на примере физики и биологии, но и меняет свою историческую форму в зависимости от крупных открытий в этих науках, подчиняясь общей закономерности отношения материализма и естествознания, как она была сформулирована Ф. Энгельсом.

Именно потому, что «механическое воззрение на природу» есть нечто развивающееся, нельзя думать, что «механизм» есть обязательно сведение высших форм движения материи к низшим, т. е. механицизм. В представлении о применимости в исследовании живого экспериментальных физико-химических методов никакого механицизма еще нет. Сама по себе разработка проблем физики и химии живого — прогрессивное научное явление, которому принадлежало и по сию пору принадлежит большое будущее. Другое дело, что в конкретном решении этой проблемы у отдельных ученых действительно могут быть элементы механицизма, т. е. абсолютизации физико-химических методов исследования без учета специфичности физических и химических процессов в живом организме.

Когда же «биомеханизм» выступал в форме механицизма, то не все биологи принимали саму альтернативу «механизм» — витализм в решении проблемы живого. Так, Ю. А. Филипченко писал, что «в вопросе о механизме и витализме, сводимости или несводимости жизненных явлений на физико-химические законы без остатка лучше всего занять более осторожную позицию: ни одна из них не является обязательной для науки»¹⁴. По мнению физиолога Л. Л. Васильева, «механизм» действительно может стать — при дополнении его методом физико-химического синтеза — обязательной истиной. Но даже и после окончательной победы «механизма» биология не перестает быть автономной наукой, изучающей совершенно особые явления. Современный же «механизм» еще недостаточно созрел для того, чтобы вытеснить витализм из биологии.¹⁵

Кроме того, нужно иметь в виду, что вследствие незнакомства с философским материализмом К. Маркса и Ф. Энгельса естествоиспытатели сплошь и рядом смешивали материализм вообще с одной из его исторических форм, а именно с механистическим материализмом XVIII в., абсолютизировали эту форму материализма, уже не соответствовавшую новому этапу в развитии естествознания. Подобного рода путаница зачастую приводила естествоиспытателей к скептическому отношению к материализму вообще. Неудовлетворенность естествоиспытателей прямолинейным, вульгарно трактуемым материализмом в условиях господства в «образованном обществе» идеалистической

¹⁴ Филипченко Ю. А. Общедоступная биология. Пг., 1923, с. 186.

¹⁵ Васильев Л. Л. Физико-химические основы жизни. — «Новые идеи в биологии», 1924, № 9, с. 35.

философии, которую подавляющее большинство материалистически настроенных естествоиспытателей отвергало, приводила многих из них к позитивизму, хотя и толкуемому стихийно-материалистически.

Многих, но не всех. К. А. Тимирязев вплотную подошел в своей научной практике к идеям диалектического материализма. Другой видный русский биолог С. П. Костычев призывал перестать бояться «призраков прошлого» и снова ввести философский элемент в науку, организовать действительно «научную натурфилософию», нужную и полезную, подчиненную науке, а не насилующую ее. «Научная натурфилософия», по мнению С. П. Костычева, не может претендовать на самодовлеющее значение, а должна ограничиться ролью разведчика и помощника точных наук. В этой роли она отнюдь не обязана представлять собой какую-то «систему» (сказывается боязнь призрака натурфилософских систем прошлого), что может быть пагубным для нее.¹⁶

Под научной натурфилософией ученые-естественники склонны были понимать физику. «Последнее десятилетие представляет собой целую эпоху в развитии физики — эпоху превращения этой науки в подлинную натурфилософию, охватывающую всю совокупность явлений природы и сводящую их к взаимодействию и движению элементарных частиц двуединой материи, называемой обыкновенно электричеством».¹⁷ Подобную точку зрения проводил в начале 20-х годов и академик А. Е. Ферсман. Среди наук, которые должны объединиться вокруг физики, он называл не только химию, биологию, но также психологию и социологию.¹⁸

Вторую часть книги «Единицы жизни» С. Г. Навашин начинает с утверждения, что электронной теории материи, ведущей к монистическому представлению о мире, суждено объединить разделенные пока области нашего знания о мертвой и живой природе. По мнению автора, в электронной теории наука открывает механическое начало, свойственное всей природе и составляющее основу всех явлений без исключения. Навашин проводит аналогию между разложением атома и необходимостью разложить клетку, которая слишком сложна, чтобы быть «последней единицей жизни». Необходимо открыть эти единицы в теле живой клетки, которое представляется отчасти даже «вполне однородным». На вопрос о том, чем живое тело отличается от мертвого, Навашин отвечает, что это отличие в основе своей окажется количественным. Гипотетические единицы жизни окажутся лишь крупнее и сложнее по своему составу, чем частицы наиболее сложных органических соединений. «Жизнь, в научном по-

¹⁶ См.: Костычев С. П. Натурфилософия и точные науки. Пг., 1922.

¹⁷ Френкель Я. И. Строение материи, ч. 1. Пг., 1923, с. 3

¹⁸ Ферсман А. Е. Пути к науке будущего. Пг., 1922, с. 14.

нимании, перестает быть качеством, тем более сущностью, а будет лишь одной из форм бытия единой и прерывистой корпускулярной материи». ¹⁹ Правда, необходимо учесть, что это высказывание направлено против представления о жизни как какой-то метафизической сущности. Тем не менее работе Навашина, совершенно незнакомого с диалектическим материализмом и его терминологией, присущ элемент метафизичности как в некоторых выводах, так и в особенности в их выражении, что вообще свойственно естественнонаучному материализму.

Непонимание сути современного материализма, «полнейшее незнание с диалектикой» (В. И. Ленин) приводили к тому, что многие естествоиспытатели, материалистически настроенные в практике своей научной работы, попадали в плен позитивистской и идеалистической философии. Отсюда и колебания в сторону «физического» идеализма и витализма. Мировоззрение естествоиспытателей в этом смысле было весьма неоднородным.

В итоговой оценке стихийного естественноисторического материализма необходимо правильно соотнести противоположные характеристики. Справедливо указывая на его недостатки и слабости (узость и ограниченность, философская неформленность и непоследовательность, непонимание относительности всех научных теорий структуры и свойств материи, отсутствие связи с материалистическим пониманием общественных явлений и т. д.), В. И. Ленин тем не менее положительно оценивал естественноисторический материализм как мировоззренческую основу научного исследования, как союзника в борьбе с поповщиной и идеализмом. Кроме того, значение естественноисторического материализма в том, что он является подступом, мостом к утверждению в естествознании диалектического материализма. Это стало настоятельной необходимостью, как показал «кризис физики». В связи с этим В. И. Ленин обосновал необходимость не просто расширения и упрочения естественноисторического материализма, но и его перехода, перерастания, развития в материализм диалектический как более высокую и последовательную форму материализма.

В заключение остановимся еще на одном важном моменте. Стихийный материализм естествоиспытателей вследствие распространенного среди них предубеждения ко всякой философии не выражается в адекватных философских категориях и законах. Философия же есть специфическая форма научного знания, имеющая свой предмет исследования и свой метод, требующий, в частности, соединения «анализа и синтеза», ²⁰ тогда как в естествознании в определенные периоды его развития на первое место могут выдвигаться «исключительно аналитические»

¹⁹ Навашин С. Г. Единицы жизни, с. 17.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 202

(К. А. Тимирязев) задачи, как это мы видели в «механическом объяснении природы». Естествознание, имея собственную логику развития, обладает относительной самостоятельностью по отношению к философии. Методология (система методов) естествознания отличается от философской методологии. Поэтому философы не могут диктовать конкретные задачи естествознанию (А. М. Деборин: анализ должен быть подчинен синтезу как более важной задаче) и давать рецепты их решения. Это было бы возрождением натурфилософии, чем нередко грешили А. М. Деборин и некоторые его ученики и сторонники.

Кроме того, «диалектики», как правило, не проводили различия между механицизмом в философском его понимании (как разновидностью метафизического способа мышления) и «механическим объяснением природы» естествоиспытателями, означавшим каузальный или каузально-аналитический метод в исследовании природы вообще, экспериментальный физико-химический метод изучения живой природы в частности. Анализ этого направления в биологии деборинцы основывали не на его действительном конкретно-научном содержании, а на свойственном ему словоупотреблении²¹ и квалифицировали так называемое «механистическое» (или «механическое») естествознание как метафизическое, тем самым дискредитируя рассматриваемое прогрессивное направление в биологии.

Противники деборинцев — И. И. Скворцов-Степанов и другие механисты — приветствовали прогрессирующее применение физико-химических методов в биологии как большой успех этой науки. Но и в их отношении к «механистическому» естествознанию были ошибки. Поскольку в подавляющем большинстве естествоиспытатели-«механисты» в первой четверти XX в. не были сознательными диалектиками и в их работах иногда имели место действительные элементы механицизма, постольку было ошибочным ставить знак равенства между «механистическим» пониманием природы и диалектическим ее пониманием, как это делали И. И. Скворцов-Степанов и его сторонники. Мироззрение естествоиспытателей в рассматриваемый период отличалось порой

²¹ Как справедливо отмечал С. Ф. Васильев в предисловии к книге Л. Больцмана «Очерки методологии физики» (М., 1929, с. 25), с подобного рода словоупотреблением можно спорить, но нельзя не считаться с ним, поскольку оно имеет длительную историческую традицию, начинающуюся с Кеплера, Галилея, Декарта, французского материализма XVIII в. Деборинцы же совершенно не считались с некоторой условностью указанного словоупотребления. Поэтому, по замечанию С. Ф. Васильева, картина «механистических» воззрений в естествознании, рисуемая Дебориним и К^о, была зачастую похожа на действительные взгляды естествоиспытателей, как гвоздь на панихиду. Отсюда становятся понятными некоторые крайности, столь характерные для рассматриваемой дискуссии: взаимное непонимание, невольное (а иногда и слишком «вольное») искажение точки зрения противника, неизбежная при этом резкость полемики.

чрезвычайной философской гетерогенностью, наглядно иллюстрировавшей неверность формулы «наука — сама себе философия», взятой на вооружение философскими нигилистами и механистами.

Как видим, обе спорившие группировки отступали от ленинского понимания соотношения философии и естествознания. Несмотря на тесную взаимосвязь и известную взаимообусловленность этих двух форм познания объективного мира, они специфичны, между ними существует качественная грань, игнорировать которую нельзя. В. И. Ленин постоянно требовал не смешивать конкретно-научные и философские вопросы, не подменять одно другим, четко разграничивать конкретно-научный и философский аспекты той или иной естественнонаучной проблемы. Между тем и механисты, и деборинцы зачастую совершали указанную ошибку.

§ 2. О философской эволюции А. А. Богданова и философских основах его тектологии

В конце 10-х — начале 20-х годов XX в. в нашей стране под видом пролетарской культуры наблюдалось довольно широкое распространение и влияние позитивистской философии А. А. Богданова. На это указывали В. И. Ленин и многие работники философского фронта того времени. К. Удальцов в одной из статей заметил относительно Богданова, что первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции приходится считать временем необычайной его популярности. «Богданов считался как бы общепризнанным представителем «пролетарской идеологии», как бы официальным ее философом. «Всеобщая организационная наука», случалось, возводилась в ранг обязательных предметов преподавания даже на кратковременных педагогических курсах Наркомпроса. Ортодоксальная критика, когда-то гремевшая против Богданова, казалась забытой». ²² К тому же Богданов был одним из членов-учредителей Социалистической академии (1918 г.), избранных в ее президиум (4 мая 1919 г.). Потребность в марксистских книгах удовлетворялась в ту пору, в частности, переизданием работ Богданова. На этот факт было указано в 1924 г. в журнале «Большевик». «До сих пор у нас как-то мало внимания обращалось на то, что в лице А. Богданова мы имеем представителя совершенно иной системы взглядов, чем ортодоксальный марксизм. Отношение к работам А. Богданова создалось как раз обратное: они печатаются за советский счет, распространяются в громадном количестве

²² Удальцов К. К. Критике теории классов у Богданова. — «Под знаменем марксизма», 1922, № 7—8, с. 82.

экземпляров, рекомендуются в партшколах и вузах как учебники». ²³

В немалой степени этому способствовала афишируемая самим Богдановым его мировоззренческая эволюция от эмпириомонизма к тектологии, якобы отменяющей всякую философию. Так, Бухарин, поверивший Богданову на слово, рекомендует в учебнике «Теория исторического материализма» его работы, характеризуя при этом «Всеобщую организационную науку» как «оригинальную попытку преодоления философии». В. И. Ленин же подчеркнул, что «Всеобщая организационная наука» «фундирована» философией автора, что в философском отношении Богданов лишь «передвинул» старый спор с марксизмом. ²⁴

Факт влияния философии Богданова на некоторых механистов отмечался уже в 20-е годы. В отношении Бухарина на это впервые указал В. И. Ленин в «Замечаниях на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода». Что касается Скворцова-Степанова, это обстоятельство отмечалось также достаточно определенно. ²⁵ Скворцов-Степанов полагал в начале 20-х годов, что в работах Богданова кое-что является «повторением и развитием мыслей Маркса и Энгельса». ²⁶ В связи со всем сказанным представляется важным воспроизвести основные вехи философской эволюции Богданова, отмечая в особенности те моменты, которые оказали влияние на философских нигилистов и механистов.

Односторонне негативное отношение к идеям Богданова уходит в прошлое. Появились публикации, в которых отмечается положительное значение его работ, посвященных обоснованию и разработке общенаучной системной концепции, так называемой всеобщей организационной науки (тектологии), предвосхитившей в ряде моментов кибернетику и теорию систем. ²⁷ В связи

²³ Петров Н. С «исправленным» Марксом против коммунизма (по поводу второго издания книги А. Богданова и И. Степанова «Курс политической экономии...»). — «Большевик», 1924, № 5—6, с. 89.

²⁴ См.: Ленинский сборник XII, с. 384—385; Ленинский сборник XI, с. 400

²⁵ См.: Тихомиров Б. Н. И. И. Скворцов-Степанов. Биографический очерк. — В кн.: Скворцов-Степанов И. И. Избранные произведения. М. — Л., 1930, с. VII, XXXIV. — На основе указанного факта нельзя, однако, отождествлять философские взгляды И. И. Скворцова-Степанова и А. А. Богданова.

²⁶ Степанов И. И. Страх смерти против исторического материализма (ответ М. Н. Покровскому). — «Под знаменем марксизма», 1922, № 11 — 12, с. 111, примечание.

²⁷ См.: Сетров М. И. Об общих элементах тектологии А. А. Богданова, кибернетики и теории систем. — В кн.: Философские и социологические исследования. Вып. 8. Учен. зап. кафедр обществ. наук вузов Ленинграда, 1967; Тахтаджян А. Л. Тектология: история и проблемы. — В кн.: Системные исследования. М., 1972; Дьяков В. А., Уёмов А. И. Предшественники кибернетики и общей теории систем. — «Природа», 1973, № 6.

с этим более многогранной стала и итоговая оценка всей теоретической деятельности Богданова.²⁸ Но в эту оценку вкралась, по нашему мнению, одна неточность, касающаяся характеристики этапов его философской эволюции.

По давней традиции, заложенной более полувека назад, когда об этом заходит речь, совершается прямой (без промежуточных, посредствующих звеньев) переход — точнее, перескок — от махистского прошлого Богданова, т. е. его субъективно-идеалистической философской концепции, изложенной в «Эмпириомонизме», к последнему этапу его теоретической деятельности, когда была создана «Тектология». Поскольку же этот последний этап связан с отрицанием Богдановым философии (в том числе и своих собственных философских взглядов), на место которой он ставил строго научные ценности,²⁹ вопрос о философских основах тектологии и ее истоках либо обходится стороной, либо решается следующим образом: она основана на субъективном идеализме³⁰ и является «продолжением и развитием все того же эмпириомонизма».³¹ С этим согласиться нельзя.

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что философию Богданова едва ли правильно было бы рассматривать как законченную и неподвижную систему, и в работе «Материализм и эмпириокритицизм» выделил (в интервале 1899—1908 гг.) четыре стадии его философских блужданий: естественноисторический материализм, «энергетика» В. Оствальда, махизм и, наконец, попытка убрать некоторые противоречия махизма, создать подобие объективного идеализма.³² При такой мобильности философских воззрений Богданова резонно поставить вопрос: а не продолжалась ли его философская эволюция после сокрушительной ленинской критики эмпириомонизма?

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что эмпириомонизм отвергли как философские противники Богданова — марксисты (Г. В. Плеханов, Л. И. Аксельрод, А. М. Деборин и др.), так и его философские соратники — эмпириокритики.³³ При таких обстоятельствах Богданов пишет в 1911 г. «Философию живого опыта», в которой предлагает новый вариант позитивизма. Каковы же его особенности?

²⁸ См.: Богданов А. А. — В кн.: БСЭ, 3-е изд. Т. III. М., 1970, с. 442—443; Малиновский А. Тектология. — В кн.: Философская энциклопедия. Т. V. М., 1970, с. 193.

²⁹ См там же.

³⁰ См.: Павлов Л. Богданов А. А. — В кн.: Философская энциклопедия. Т. I. М., 1960, с. 178.

³¹ Деборин А. М. Философия и политика. М., 1961, с. 4.

³² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 243.

³³ См.: Валентинов Н. Философские построения марксизма. М., 1908, с. 252—307; Юшкевич П. С. Материализм и критический реализм. СПб., 1908, с. 161—193.

Для ответа на поставленный вопрос нам придется провести детальное сравнение «Философии живого опыта» и «Эмпириомонизма». В обеих работах действительность понимается как система опыта. Поэтому и философию живого опыта Богданов именуется эмпириомонистической концепцией, т. е. выражающей единство опыта.³⁴ Но опыт здесь понимается по-другому.

В эмпириомонизме мир опыта — это прежде всего система общения людей и других живых организмов. Общение принимается как заранее данный момент, своего рода априори. Мир опыта кристаллизуется (организуется) из хаоса элементов (ощущений) посредством коллективной систематизации переживаний в общении людей. Развитие опыта — социально-психологический процесс организации переживаний на основе расширяющегося общения людей.³⁵ Весь эмпириомонизм проникнут психологизмом, субъективным идеализмом.

В философии живого опыта мир опыта — это система труда, активного преобразования мира в процессе общественно-исторической практики, «организующей мир для человечества». Опыт возникает там, где человеческое усилие — практическое и познавательное — преодолевает стихийное сопротивление природы.³⁶ Развитие опыта — развитие социальной практики, характеризующееся степенью покорения человечеством стихийных сил природы. Исходное и центральное понятие философии живого опыта — социальная активность, взятая в коллективно-трудовом общечеловеческом масштабе. «Материя» и «идея» (познание вообще) равно немислимы как самостоятельные, независимые сущности; они всецело соотносительны с социально-трудовой активностью человечества: первая — как ее объект, т. е. общезначимое сопротивление трудовым усилиям, вторая — как ее организующая форма. Определениями материи как сопротивления трудовым усилиям и познания как организации опыта (практики) Богданов широко пользуется в тектологии.

Философия живого опыта отвергает и материалистическое, и эмпириомонистическое толкование энергии. Энергия теперь трактуется не как «чистый символ в человеческом мышлении, условно применяемый для обозначения связи явлений»,³⁷ а как практическое отношение общества к природе. Видеть в процессах

³⁴ Это обстоятельство служило и служит, видимо, главной причиной отождествления в нашей литературе философских позиций Богданова в «Эмпириомонизме» и в «Философии живого опыта» — отождествления, в силу которого философия живого опыта не была до сих пор обстоятельно критически проанализирована как относительно самостоятельный этап философской эволюции Богданова.

³⁵ См.: Богданов А. А. Эмпириомонизм. СПб., 1906. Кн. III, с. XVIII, XXXIII, XXXIV.

³⁶ См.: Богданов А. А. Философия живого опыта. М. — Пг., 1923, с. 209.

³⁷ Там же, с. 271.

природы энергию — значит смотреть на них с точки зрения возможной эксплуатации их человечеством. Вселенная представляется как бесконечный поток организующих активностей, или «энергий». В ряду превращающихся форм энергии находит свое место и трудовая активность человека. Перейдя в тектологию к строительству «чисто научного монизма», необходимой формулой его Богданов вновь объявил понятие энергии, соединяющее в непрерывный ряд все активности вселенной — человека, других живых существ, процессов неорганической природы.

Система опыта в эмпириомонизме держалась на высказываниях — именно в них реализовалось единство опыта. В философии живого опыта как точке зрения работника производства, рабочего это единство реализуется прежде всего в тех действиях, которые он выполняет совместно с другими работниками. Поэтому Богданов говорит о практическом единстве природы (миростроительстве)³⁸ в противовес материалистическому тезису Ф. Энгельса: единство мира — в его материальности. С идеей практического единства природы как мира опыта мы встретимся и в тектологии.

Критерий объективного существования, т. е. критерий разграничения объективного и субъективного в рамках живого опыта, — социально-практический: социальная организованность опыта, его коллективная значимость. С этой точки зрения, бог, леший и т. д. существовали в свое время объективно, т. е. социально-непреложно, социально-практически, как все существует для нас, — лишь относительно, а не абсолютно объективно, поскольку абсолютная объективность невозможна. Пространство, время, причинность, объективная закономерность рассматриваются как исторически развивающиеся формы социальной организации опыта, продукты и орудия социальной практики. В той или иной степени точка зрения социально-исторического релятивизма — и релятивизма вообще как философской концепции — проводится и в тектологии,³⁹ поскольку ее исходным в философском отношении пунктом явилась коллективно-трудовая теория, развиваемая в «Философии живого опыта». Можно согласиться с М. И. Сетровым, считающим, что релятивизм и механицизм помешали создателю тектологии найти объективный критерий для определения степени организованности систем.⁴⁰

Из всего сказанного можно уже сделать некоторые выводы. С одной стороны, усилившиеся попытки автора «Философии

³⁸ Там же, с. 208, 255, 269.

³⁹ См.: Богданов А. А. Всеобщая организационная наука, ч. I. Л.—М., 1925, с. 97—99; ч. III. Л.—М., 1929, с. 142, 166, примечание.

⁴⁰ См.: Сетров М. И. 1) Принцип системности и его основные понятия. — В кн.: Проблемы методологии системного исследования. М., 1970, с. 61; 2) Организация биосистем Л., 1971, с. 30. — В целом М. И. Сетров, как и другие исследователи тектологии, не ставит, точнее, не решает вопроса о философских основах тектологии.

живого опыта» преодолеть противоречия махизма влекли его к созданию некоторого подобия объективного идеализма в рамках позитивизма, хотя такое сочетание выглядит весьма необычно. С другой стороны, механицизм и релятивизм подталкивали Богданова к субъективизму. Несмотря на ряд различий между философией живого опыта и эмпириомонизмом, имеются и элементы общности, сходства — как по линии мировоззренческой, так и особенно методологической. Богданов в философском отношении эклектик. Этот вывод в дальнейшем будет обоснован более детально.

Ближайшей философской основой тектологии является не эмпириомонизм, а философия живого опыта. Богданов заявляет, что познание имеет дело с системой опыта в живом целом, т. е. со всей совокупностью вещей и образов, доступных труду и разуму человечества, его организующим усилиям. «Внешняя среда этой системы опыта — все недостигнутое и неизвестное, все, что лежит еще вне человеческого усилия, восприятия, расчета, предвидения. В коллективной борьбе с этой средой, в процессе ее последовательного завоевания растет наш «мир», наш физический и психический опыт как целое». ⁴¹ Как видим, и в тектологии действительность понимается как система «живого опыта».

Правда, если в «Философии живого опыта» внимание акцентируется на организующей деятельности коллективного субъекта практики (человечество строит, т. е. организует для себя, мир), то в «Тектологии» — также на том, что и сама по себе природа не только вырабатывает, но и совершенствует свои формы организации. В соответствии с этим во всеобщей организационной науке в основу системы опыта положено понятие мирового организационного процесса. «Организационный опыт — это и есть весь наш опыт (практический и познавательный. — В. К.), взятый с организационной точки зрения, т. е. как мир процессов организующих и дезорганизующих». ⁴²

Автор «Философии живого опыта» не только критически пересматривает свое прежнее отношение к Э. Маху и Р. Авенариусу, но в определенном смысле даже пытается противопоставить свои философские взгляды как «философию социально-активного отношения к миру» эмпириокритицизму как уже превзойденной «ступени созерцательной философии опыта». Не следует, конечно, ни на минуту забывать о том, что различие между «Философией живого опыта» и «Эмпириомонизмом» — это различие в рамках идеализма, в рамках позитивизма.

⁴¹ Богданов А. А. Всеобщая организационная наука. Тектология. Ч. I—III. Берлин — М. — Пг., 1922, с. 365. — В дальнейшем берлинское издание мы будем называть «Тектология», советское — «Всеобщая организационная наука».

⁴² Богданов А. А. Всеобщая организационная наука, ч. I, с. 31.

Все более порывая в своем творчестве с философскими традициями, терминологией и проблематикой, Богданов в тектологии перешел на рельсы по преимуществу конкретной общенаучной (системной) проблематики. Этот переход был подготовлен «Философией живого опыта», в конце которой формулируется следующий вывод: «Возможно установить общие методы и закономерности, по которым самые различные элементы вселенной организуются в комплексы».⁴³ Вывод этот расценивается как основа всеобщей организационной науки. Вообще, нужно отметить, что главные методологические принципы тектологии — принципы энергетизма, подбора и отчасти системности — были сформулированы в дотектологических работах Богданова.

Не удовлетворенный своими многолетними философскими поисками, Богданов решил возвратиться к тому кругу идей, которые в зародыше были намечены в работе «Основные элементы исторического взгляда на природу. Природа — жизнь — психика — общество». Философия, утверждается в данной книге, — это сфера гипотетических построений, она не является наукой о познании, теорией познания. Поэтому на место диалектико-материалистического (философского) воззрения и метода как недостаточно общего (не всеобщего) необходимо поставить научно-историческое миропонимание и методологию, построенную путем экстраполяции понятий и законов частных наук (механики Ньютона, учения Дарвина, закона сохранения и превращения энергии и т. д.) на всю сферу научного знания.⁴⁴

Центр тяжести должен переместиться с выяснения неизменной сущности предметов на исследование форм — процессов изменения, с изучения вещей (вообще, материи как чего-то косного, статичного, инертного и т. д.) — на анализ отношений. Познание формы, качественного своеобразия предмета-процесса предполагает выяснение его внутренней истории. Это история изменения его строения, т. е. типа взаимоотношения и взаимодействия образующих его элементов. Изменение отношений изучаемой формы к процессам окружающей среды составляет ее внешнюю историю. Каждый предмет-процесс и отделен, выделен из среды как нечто целое, и вкраплен в нее, находится в определенных отношениях, связях с другими процессами, являясь элементом более сложного и широкого целого. Научное исследование формы есть изучение ее внешней и внутренней истории в их причинной связи.⁴⁵

Поскольку элементы-процессы суть «энергии», а энергия едина и вечна в своих превращениях, в процессах природы возможны только количественные различия, а различий качествен-

⁴³ Богданов А. А. Философия живого опыта, с. 327.

⁴⁴ См.: Богданов А. А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб., 1899, с. 7, 18, 27, 209—211

⁴⁵ Там же, с. 19, 41, 47—49.

ных, т. е. абсолютно не сводимых к количественным, быть не может.⁴⁶ Энергия трактуется автором рассматриваемой работы, стоявшим в целом на позициях стихийного естественноисторического материализма, как синоним объективной реальности. Наряду с элементами стихийной диалектики в работе дает себя знать налет механицизма и релятивизма. Отношения внешние и внутренние, строение целого и строение частей, элементы пограничные, кризисы форм, подвижное равновесие, подбор (положительный и отрицательный), консерватизм (устойчивость) форм, принцип энергетизма, закон причинности в энергетической его трактовке — все эти понятия, столь широко употребляемые в тектологии, были введены в «Основных элементах...».

Положения, в зародышевом виде рассеянные в этой работе, получили свое развитие в «Философии живого опыта» и особенно в «Тектологии». В «Эмпириомонизме» было наложено ограничение на природу организуемых элементов опыта: под ними подразумевались «элементарные ощущения». В философии живого опыта это ограничение снято. Элементы могут быть любой природы — действия (физические и умственные), вещи, свойства и т. д., — ибо опыт может анализироваться самым различным образом. Правда, Богданов оговаривает, что поскольку элементы опыта вовсе не даны готовыми — их надо выделить и обособить, т. е. приложить практическое или познавательное усилие, — постольку всякий элемент, как и опыт в целом, есть одновременно соединение стихийного природного сопротивления и человеческого целесообразного усилия, чувственный материал в кристалле труда, кристалле социальной активности.

Мы вскрыли ближайшую философскую основу и исток «Тектологии». Это дает нам возможность сделать новый шаг в анализе рассматриваемой работы: в некоторых своих аспектах она является продолжением «Философии живого опыта» в том смысле, что в организационной науке реализуются идеи, цели, намеченные в философской работе Богданова.

Автор «Философии живого опыта» претендовал на создание «мировой программы человеческой практики». Этот замысел нашел свое воплощение в тектологии, имеющей праксеологический аспект, совершенно выпавший из поля зрения исследователей. Тектология, как неоднократно подчеркивал ее автор, вся лежит в сфере практики, и даже познание для нее — особый случай организационной практики. С понятием организации (дезорганизации) Богданов отождествлял любую созидательную (разрушительную) деятельность. Сделать, изготовить, произвести, построить и т. д. — все это синонимы понятия «организовать». ⁴⁷ Теперь понятно, почему Богданов приходит к ошибоч-

⁴⁶ См. там же, с. 206.

⁴⁷ См.: Богданов А. А. Всеобщая организационная наука, ч. I, с. 58—59.

ному утверждению, что у человечества нет иной деятельности, кроме организационной, нет иных задач, кроме организационных. Линия на отождествление понятий труда, практики и организации берет свое начало в философии живого опыта.⁴⁸ Поэтому праксеологический аспект тектологии можно считать продолжением линии, намеченной в философии живого опыта как философии практики.

В тектологии также проводится, хотя и в завуалированной форме, идея практического единства природы (миростроительства). Философия, по Богданову, стремилась найти единство опыта — единство мира в форме какого-нибудь универсального объяснения. Ее тенденция — созерцательная. Для тектологии же это единство не *находится* теоретическим путем, а *создается* практической организационной деятельностью. Философской задаче — объяснить мир — великий предшественник организационной науки К. Маркс противопоставил практическую задачу — изменить его.⁴⁹

«Всеобщая организационная наука» по своему основному содержанию не является философской работой. Однако это не значит, что она вовсе не имеет к философии никакого отношения, как иногда полагают. Отрицая здесь философию вообще, Богданов тем не менее в тектологический период дважды переиздавал «Философию живого опыта» (в 1920 и 1923 гг.), неоднократно выступал по вопросам, представляющим философский интерес.⁵⁰ Отрицание на словах философии вообще вовсе не мешало ему на деле вести борьбу с диалектико-материалистической философией. Подобного рода противоречие вообще свойственно позитивизму.

В истории общества Богданов выделял три последовательно сменявших друг друга типа монистического мировоззрения: религиозное, философско-отвлеченное и научное. Научный монизм — это объединение всего опыта человечества в универсальную науку об организации, «ту великую науку, которая придет на смену философии».⁵¹ С этой точки зрения «Философия живого опыта» рассматривалась ее автором как форма перехода от философско-монистического мировоззрения (квазимонизма, по его характеристике) к научно-монистическому, т. е. тектологии. Составными частями научного монизма, по мысли Богданова, должны стать — в тектологически «переработанном»

⁴⁸ См.: Богданов А. А. Философия живого опыта, с. 56, 57, 59, 94

⁴⁹ См.: Богданов А. А. Всеобщая организационная наука, ч. I, с. 79, 117—118. — Богданов позитивистски толкует одиннадцатый тезис К. Маркса о Фейербахе.

⁵⁰ Выступления эти свидетельствовали о том, что в дискуссии «диалектика» с механистами симпатии Богданова были всецело на стороне последних.

⁵¹ Богданов А. А. Философия живого опыта, с. 327.

виде — исторический монизм К. Маркса (т. е. исторический материализм) и марксистская диалектика.⁵²

Улавливая системный аспект единства мира, его структурное единство, автор «Тектологии» делал вывод о возможности и необходимости универсальной системной методологии, мышления по тектологическим схемам и законам. Перед ним не мог не встать вопрос об отношении системной методологии к диалектико-материалистическому методу. Уже в «Философии живого опыта» Богданов утверждал, что основное понятие марксистской диалектики — понятие развития — не достигло полной ясности, что К. Маркс и Ф. Энгельс упустили из виду живой, реальный смысл диалектики и т. д.⁵³ Почему? Потому-де, что основатели диалектического материализма не поняли организационного (системного) содержания диалектики.⁵⁴ Подвергнув диалектику критике с релятивистских и механистических позиций, Богданов приходит к выводу, что диалектика — исторически устаревшая и логически ограниченная (частная) методология. Она должна быть исследована и объяснена с более широкой и общей точки зрения, а именно с точки зрения всеобщей организационной науки.

Программа «исследования и объяснения» материалистической диалектики с организационной точки зрения, пунктирно намеченная в «Философии живого опыта», была реализована в «Тектологии» под флагом разработки так называемой «научной организационной диалектики», противопоставленной материалистической диалектике как «формальной» и «недостаточно динамичной». Критика диалектики в «Тектологии» есть прямое (иногда даже текстуально близкое) продолжение критики диалектики в «Философии живого опыта» — с тех же самых позиций релятивизма и механицизма.

Автор «Тектологии» полагал, что материалистическая диалектика не является универсальной методологией, поскольку охватывает лишь прогрессивное развитие систем. Тектологическая схема подвижного равновесия и отклонений от него, по его мнению, шире и глубже диалектической, так как охватывает все основные линии мирового организационного процесса в их взаимосвязи: прогресс (повышение организованности), регресс (понижение организованности) и сохранение подвижного равновесия, данного уровня организованности системы.⁵⁵ Богданов исходил в данном случае из факта недостаточной разработанности в философской теории вопросов о нисходящей ветви в раз-

⁵² См. там же, с. 345—346.

⁵³ Там же, с. 242—248

⁵⁴ Там же, с. 265.

⁵⁵ См.: Богданов А. А. Очерки всеобщей организационной науки. Самара, 1921, с. 84, 248.

витии, о связи и различии процессов функционирования (без изменения уровня организации объекта) и развития (с тем или иным изменением этого уровня).

В 20-е годы Богданов пытался «тектологизировать» материалистическую диалектику, перевести ее на язык «Тектологии». Противоречие предлагалось понимать не в смысле диалектической противоположности, а в смысле дезорганизации большего или меньшего масштаба, дезинтеграции, т. е. системного расхождения, разрушения системы. Закон перехода количественных изменений в качественные растворялся в тектологическом учении о кризисах как переменах организационной формы (структуры) комплекса, т. е. совокупности связей элементов системы. При этом само понятие качества как «обывательский» термин, не имеющий никакой научной ценности, предлагалось устранить, разложить на более точные понятия элементов и структуры.⁵⁶ Закон отрицания отрицания, якобы субъективный и произвольный, Богданов предлагал заменить научной схемой чередования фаз любого колебательного или циклического процесса (не обязательно процесса развития). Диалектической «триаде» как «недостаточно динамичной» он противопоставил «динамически универсальную» трехфазную формулу тектологических актов, бесконечная цепь которых образует эволюцию мира, мировой организационный процесс.⁵⁷

Само по себе применение понятий системы, элемента, структуры к анализу общего механизма развития и его законов несомненно рационально. В разработке данной идеи у Богданова имеются некоторые позитивные моменты (например, рассмотрение вопроса о соотношении прогрессивных и регрессивных изменений системы в условиях изменяющейся внешней среды). В вину автору «Тектологии» мы ставим — помимо механицизма и релятивизма — типично ревизионистский прием использования указанной идеи: попытки удушить материалистическую диалектику в объятиях, растворить ее в организационной науке.

Некоторые современные исследователи тектологии, сочувственно излагая «организационную диалектику», не замечают в ней жала, направленного против материалистической диалектики. Но это жало сразу же обнаруживается, если взять «организационную диалектику» в более широком контексте. Ее создание суть завершение линии на дискредитацию материалистической диалектики, линии, проходящей через все философское творчество Богданова начиная с первых его работ. Диалектика имеет, по мнению Богданова, еще не осознанный, не понятый тектологический (системный, организационный) смысл. Будучи

⁵⁶ См.: Богданов А. А. Пределы научности рассуждений. — «Вестник Коммунистической академии», 1927, № 21, с. 253, 284.

⁵⁷ См.: Богданов А. А. Всеобщая организационная наука, ч. III, с. 70—88.

тектологически истолкована, она войдет в новую организационную науку как часть в целое и вместе с тем потеряет философский характер, поскольку по мере своего развития тектология делает излишней философию вообще. Таким образом, цель создания «организационной диалектики» — не та или иная форма приближения к материалистической диалектике, как иногда думают, а ее ликвидация.

Как было показано ранее, ближайшей философской основой тектологии является философия живого опыта. Однако данный тезис нуждается в одном уточнении. В отличие от философии живого опыта в тектологии дает себя знать струя стихийного естественнонаучного материализма и стихийной диалектики. Именно в эту сторону властно толкала автора «Тектологии» объективная логика конкретного общенаучного исследования. Примеров тому можно привести много. Богданов отмечал в первой части «Тектологии», что сама по себе природа совершенствует формы организации в процессе своего развития. Природа — первый великий организатор, человек — ее скромный ученик, раздражитель. Поэтому методы человеческие не могут выйти за пределы методов природы.⁵⁸

В третьей части «Тектологии» Богданов вновь обращается к указанной мысли. Сущность научно-организационной точки зрения состоит в утверждении, что «имеются общие организационные законы, по которым идут процессы организации и дезорганизации в природе и от которых зависят и человеческие организационные методы. Следовательно, человек не *выдумывает* своих организационных методов; они имеют основу в организационных закономерностях природы и являются для человека так или иначе *вынужденными*. Это — основное положение».⁵⁹ Диалектический принцип всеобщей связи нашел в тектологии свое стихийное выражение в идее «мировой ингрессии», представляющей всю доступную нам вселенную как бесконечно разветвляющуюся дифференцированную систему. Само по себе сопряжение понятий активности и организации, пронизывающее всю тектологию, — глубоко диалектический подход.

Богданов говорит в «Тектологии», что он признает материю, но не как философское понятие. Из того, что материя определяется как сопротивление «активностям» нашего восприятия и трудового воздействия, вовсе не следует, отвечает автор своим критикам, что она порождается трудом.⁶⁰ Как считают диалектические материалисты, быть объектом — значит существовать вне и независимо от сознания субъекта и вместе с тем быть

⁵⁸ См.: Богданов А. А. Всеобщая организационная наука, ч. I, с. 28, 119; ч. III, с. 141.

⁵⁹ Богданов А. А. Всеобщая организационная наука, ч. III, с. 126.

⁶⁰ Там же, с. 32, 217.

предметом его практической и познавательной деятельности. Отрицая всякую гносеологию как схоластику, Богданов делает упор на вторую часть этого определения и оставляет в тени или прямо отвергает первую его часть. В практике конкретно-научного исследования он различает реальные (материальные) и идеальные явления.

В «Тектологии» подвергается критике кантовский тезис: человеческий разум предписывает законы природе — тезис, которым руководствовался Богданов в своих философских работах, в том числе в «Философии живого опыта». Единство схем и методов различных областей познания коренится в самой природе вещей, в действительном бытии; «строение нашей познавательной способности» коренится в «строении вещей». Поэтому «предписывать законы природе» можно только по соглашению с ней.⁶¹ «Системное расхождение, — пишет, например, Богданов, — включает в себе тенденцию развития, направленную к дополнительным связям. Естественно и понятно, что человечество в своей практике следует этой закономерности, и в том смысле, что независимо от своей воли ей подчиняется, и в том смысле, что само ею пользуется, поскольку ее усваивает, поскольку ею сознательно овладевает»⁶² Таких мест в «Тектологии» немало. Как уже отмечалось, по мнению В. И. Ленина, Богданов в своих философских блужданиях двигался по кривой линии — от естественноисторического материализма через субъективный идеализм (махизм) к попытке создать подобие объективного идеализма. Автор «Тектологии» сделал еще один шаг по кривой — в сторону естественноисторического материализма. Чтобы замкнуть эту кривую, ему надо было полностью преодолеть элементы идеализма в своем мировоззрении. Однако этого не произошло.

Подводя итог рассмотрению вопроса о философских основах тектологии, можно сказать, что в груди ее творца, образно выражаясь, противоборствовали две души — автора «Философии живого опыта» и стихийного естественнонаучного материалиста, стихийного диалектика, разрабатывающего конкретную общенаучную (а не философскую!) концепцию.⁶³ В силу указанной противоречивости, ведущей к эклектичности, мозаичности философских основ «Тектологии», всякая жестко однозначная квалификация философской позиции ее автора (идеалист или стихийный материалист, метафизик или стихийный диалектик) была бы излишне прямолинейной. Мы старались выявить, по возможности, все кусочки этой «мозаики».

⁶¹ См.: Богданов А. А. Всеобщая организационная наука, ч. I, с. 64—66.

⁶² Богданов А. А. Тектология. Ч. I—III, с. 244.

⁶³ В современной литературе принцип системности разрабатывается и как раздел философии, и как относительно самостоятельная общенаучная концепция.

Между «Тектологией» и философскими работами Богданова нельзя провести некоего водораздела, как это иногда пытаются сделать. В некоторых аспектах она явилась продолжением «Философии живого опыта» и «Основных элементов исторического взгляда на природу». Первая работа была ближайшей «точкой роста» организационной теории,⁶⁴ вторая — отдаленной во времени, но отнюдь не менее значимой.

Тектология имела определенную философскую направленность и философскую основу, наложившую отпечаток на саму организационную теорию. Но утверждать, что такой основой был субъективный идеализм и что автор «Тектологии» сохранил верность своему махистскому прошлому, значит не учитывать философскую эволюцию Богданова в полном ее объеме. Дело доходит до того, что стоит иному исследователю «Тектологии» встретить в ней термин «опыт», как сразу же делается вывод: «... у Богданова во «Всеобщей организационной науке» старая «эмпириомонистическая» точка зрения».⁶⁵ В данном случае уместно напомнить мысль В. И. Ленина: «В терминах «энергетики» так же можно выразить материализм и идеализм (более или менее последовательно, конечно), как и в терминах «опыта» и т. п.».⁶⁶

Ни на йоту не отступая от марксистского принципа партийности, т. е. отсекая реакционные поползновения автора организационной теории, можно вычлнить ряд конструктивных, позитивных идей в тектологии: подход к предмету исследования как системно организованному целому; принцип преобладания во вселенной организационных процессов над процессами разрушительными, деструктивными; принцип обратной связи как основной способ саморегуляции систем (идея бирегулятора); выдвижение на первый план исследования отношений, а не вещного субстрата объектов, что стало фундаментальной чертой науки XX в.; рассмотрение структурных аналогий (сходства, подобия) как основы моделирования и применения математических методов при описании систем; разработка общего для различных наук языка; принцип отбора (подбора) как универсальный механизм формирования и превращения систем; закон наименьших сопротивлений, используемый ныне в сетевом планировании. Но на механистов и философских нигилистов 20-х годов Богданов оказал влияние прежде всего негативной, критической стороной своей философской деятельности, направленной на то, чтобы под флагом «дальнейшего развития марксизма» дискредитировать, компрометировать философию вообще и диалектико-материалистическую философию в частности.

⁶⁴ Материал введения и первой главы «Тектологии» частично заимствован из «Философии живого опыта».

⁶⁵ Боголепов В. П. О состоянии и задачах развития общей теории организации. — В кн.: Организация и управление. М., 1967, с. 43

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 289—290.

Глава 2

ДИСКУССИЯ «ДИАЛЕКТИКОВ» С МЕХАНИСТАМИ

§ 1. В. И. Ленин и критика бухаринской концепции исторического материализма (1922 — 1925 гг.)

Большое значение для освоения советскими учеными-марксистами ленинского философского наследия имела развернувшаяся в 1922—1925 гг. борьба против бухаринской механистической концепции исторического материализма. Рассмотрение этой борьбы в свете ленинской критики механицизма и эклектизма А. А. Богданова и Н. И. Бухарина имеет не только историко-философский интерес. Это важно для опровержения наветов современных буржуазных фальсификаторов истории марксистско-ленинской философии в СССР.

В нашей литературе широкую критику бухаринской концепции исторического материализма относят обычно к концу 20-х годов, когда развернулась борьба партии против правого уклона, лидером которого был Бухарин. В действительности же она началась сразу после выхода его книги «Теория исторического материализма», т. е. уже в 1922 г. Прежде чем перейти к изложению сути полемики, завязавшейся вокруг этой книги, необходимо показать, в чем именно проявлялся механицизм легших в ее основу методологических установок и каковы его теоретические истоки.

Автор «Теории исторического материализма» полагал, что в основу социальной методологии должна быть положена «механическая» точка зрения — теория подвижного равновесия любой системы в ее отношении к среде. Человеческое общество тоже является системой. Средой для нее служит окружающая природа. Эта система находится в таком же отношении к своей среде (устойчивое и неустойчивое равновесие), как и всякая другая.

В естественных науках различают механическое, химическое, биологическое равновесие систем. Задача, стало быть, сводится к тому, чтобы показать, как общие законы естественных наук проявляются в обществе. Применение схемы приспособления к среде, т. е. «подбора», и «схемы равновесия» свидетельствовало о том, что Бухарин использовал принципы так называемого «организационного исследования», предложенного Богдановым.¹ Влияние на автора «Теории исторического материализма» Богданов оказал не только попытками представить материалистическую диалектику исторически устаревшей и логически ограниченной методологией, но и стремлением «тектологизировать» диалектику, а точнее, заменить ее всеобщей организационной точкой зрения, которую Богданов называл иногда «механической точкой зрения».

Как же конкретно выглядит применение Бухариным «механической точки зрения» к анализу общества? Производственные отношения, по его мнению, сводятся к размещению людей в пространстве и времени. Именно определенность положения в пространстве, на «трудовом поле» и делает из этого размещения общественно-трудовое отношение. Поскольку же люди — это лишь определенные физические тела, «рабочие силы *in natura*», постольку и общество есть «система элементов *in natura*». Как видим, одной из важнейших категорий социальной методологии Бухарин считал категорию «система», но эта рациональная мысль была облечена, как отметил В. И. Ленин, в механистическую, вульгарно-материалистическую форму.²

В рамках общей теории равновесия Бухарин пытается установить сходство, аналогичность природных и общественных систем в двух отношениях. Во-первых, в обществе действуют те же «общие законы естественных наук», т. е. законы подвижного равновесия систем со средой. Во-вторых, сходство, общность природных и общественных систем заключаются в их «физичности», «пространственности» и т. д.

Ясно, что такое представление является слишком общим, бедным и ничего не может дать для уяснения сущности материальных общественных отношений. Специфику этих отношений В. И. Ленин, как известно, усматривал не в их «физичности», «пространственности» и т. д., а в том, что в отличие от отношений идеологических они складываются помимо воли и сознания людей, как результат, форма их деятельности, направленной на поддержание своего существования.³

Относительно же понятия «общественная материя», используемого Бухариным (а позднее и другими механистами), заме-

¹ См.: Милонов Ю. Рецензия на книгу А. А. Богданова «Всеобщая организационная наука». — «Печать и революция», 1923, № 5, с. 218.

² См.: Ленинский сборник XI, с. 357.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 136—137.

тим, что ни К. Маркс и Ф. Энгельс, ни В. И. Ленин не употребляли такого термина, так же как, скажем, и терминов «биологическая материя», «химическая материя» и т. д., поскольку под материей понимается единство многообразия всех ее форм, их свойств и отношений, которые, складываясь по-разному в различных формах движения, образуют качественную градацию, иерархию уровней структурной организации материи со специфическими типами взаимодействия и закономерностей. Именно этот момент игнорируется приверженцами теории равновесия.

Оценивая развиваемые Богдановым методологические принципы исследования общественных явлений — «социальную энергетику» и «общественный подбор», В. И. Ленин отмечал, что на деле никакого уяснения метода общественных наук нельзя дать при помощи этих понятий.⁴ Под тем же углом зрения он оценивал бухаринские ошибки в сфере социальной методологии. Мы имеем здесь в виду критические замечания Ленина на вышедшую в 1920 г. книгу Бухарина «Экономика переходного периода». Суть этих замечаний сводится к констатации того, что «главный враг» автора — богдановская схоластика. Диалектическая точка зрения представлялась Бухарину лишь одной из многих равноправных точек зрения — наряду, к примеру, с «точкой зрения равновесия». Ленин выступил не против самой идеи системно-структурного анализа общественных явлений, а против абстрактно-схоластического применения понятий «система», «структура», против игнорирования их конкретного социального содержания. «„Социальная система“, „общественная формация“ — все это недостаточно конкретно без понятия класса и классового общества».⁵ К сожалению, эти ленинские замечания, а также известное «Письмо к съезду», в котором дана общая характеристика Бухарина как теоретика, были опубликованы лишь в конце 20-х годов.

Критики методологических установок книги «Теория исторического материализма» исходили из ленинской оценки Бухарина как эклектика, стоящего на точке зрения логики формальной, а не диалектической. Основной принцип диалектической логики Ленин усматривал в идее самодвижения предмета, понимаемого как конкретное (внутренне необходимое, целостное), а не эклектическое (внешнее, случайное) единство его различных и противоположных сторон, свойств и связей со всем остальным миром. При этом «вся человеческая практика должна войти в полное „определение“ предмета».⁶ Автор «Теории исторического материализма» (как, впрочем, иногда и некоторые его критики)

⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 348.

⁵ Ленинский сборник XI, с. 383.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

игнорировал ленинский вклад в развитие диалектического и исторического материализма, в частности постановку и решение В. И. Лениным вопроса о материальных и идеологических общественных отношениях. Данное Бухариным вульгарно-материалистическое решение этого вопроса связано с его попытками подменить марксистский диалектический метод теорией равновесия.

На указанный момент одним из первых обратил внимание Б. Г. Столлнер. Он считал полезным сопоставить плехановскую и бухаринскую интерпретации исторического материализма, чтобы показать «те, так сказать, распутья, с которых марксистская мысль расходится в разные стороны». ⁷ В. Н. Сарабьянов главный недостаток «Теории исторического материализма» видел в том, что ее автор не понял марксизм как целостное мировоззрение и метод, поскольку в указанной работе марксизм интерпретируется преимущественно как социальное мировоззрение, а диалектический материализм — лишь как «вводная глава» к теории исторического материализма. К тому же диалектический материализм в книге Бухарина превращается в «механический», что открывает двери для обвинений марксизма в фатализме. ⁸ Бухарин, по словам В. Н. Сарабьянова, не диалектик, а приверженец формальной логики и эклектик. Теоретический источник его методологического эклектизма — тектология Богданова. Критикуя анализ общества с позиций теории равновесия, В. Н. Сарабьянов, однако, сам допускал ошибки механистического толка. ⁹

Более последовательную критику бухаринской теории равновесия и ее применения к обществу дал С. Гоникман. ¹⁰ Рецензируя «Теорию исторического материализма», он отметил, что, во-первых, автор понимает под диалектическим противоречием «антагонизмы различно направленных сил». Но подобный «переворот» в диалектике был давно совершен... Е. Дюрингом. Источник такого истолкования противоречия — позитивистская теория равновесия. Во-вторых, отодвинув на второй план вопрос

⁷ Столлнер Б. Г. Предисловие редактора. — В кн.: Плеханов Г. В. Очерки по истории материализма. Харьков, 1922, с. V.

⁸ См.: Сарабьянов В. Н. Диалектика и формальная логика. — «Под знаменем марксизма», 1922, № 3, с. 70 — Данное замечание Сарабьянова имело под собой вполне реальное основание. В фатализме автора «Теории исторического материализма» обвинял П. А. Сорокин Этот известный противник марксизма с радостью ухватился за ошибочность (механистичность) бухаринской трактовки причинности, отождествляемой с необходимостью, исключаяющей случайность как нечто субъективное (см.: Сорокин П. А. [Рец. на кн.:] Бухарин Н. И. Теория исторического материализма. — «Экономист», 1922, № 3, с. 145).

⁹ См.: Ширвин М. Л. [Рец. на кн.:] Сарабьянов В. Н. Исторический материализм. — «Под знаменем марксизма», 1923, № 2, с. 254.

¹⁰ См.: Гоникман С. «Диалектика» тов. Бухарина. — «Под знаменем марксизма», 1922, № 3.

о внутренних противоречиях, имманентных предмету, Бухарин тем самым по существу снял и проблему самодвижения всего сущего. Если система находится в равновесии, то сама по себе, без приложенной к ней извне энергии, она не может перейти в другое состояние. Для нарушения равновесия должна быть приложена какая-то сила. Какая, если, скажем, эта система — природа? Здесь С. Гоникман подходит к выводу (хотя четко его не формулирует), что теория равновесия в конечном итоге ведет к признанию какого-то внешнего первотолчка. На это указывал еще Энгельс в полемике с Дюрингом. Стало быть, надо рассматривать систему как движимую внутренними противоречиями, а это уже диалектика, а не теория равновесия. Конечно, среда — необходимое условие развития явления, но само развитие происходит по законам, свойственным именно данному явлению, имманентным ему. Теория равновесия в ее применении к обществу, резюмирует С. Гоникман, дает лишь приблизительное описание процесса развития, но не его причинное объяснение.

Таким образом, основной философский журнал страны — «Под знаменем марксизма» отнесся к «Теории исторического материализма» критически. Его авторы, обсуждая вопрос об источнике изменения, развития системы, настаивают на преобладании внутренней детерминации, опосредующей внешнее воздействие, т. е. стоят на точке зрения самодвижения систем.

В журнале «Красная новь» в 1922—1924 гг. печатались лекции Л. И. Аксельрод по историческому материализму, вышедшие в 1924 г. отдельной книгой. В авторском предисловии к ней, помеченном 1922 г., отмечается, что основные методологические принципы, развернутые в работе Бухарина, значительно отличаются от основных принципов ортодоксального марксизма.¹¹ Аксельрод убедительно показала, что законы естествознания, в частности законы биологии и механики, неприменимы к общественным явлениям. К тому же диалектика является материалистической вовсе не потому, что она подыскивает для своих законов аналогии из современной механики, как это получилось по логике Бухарина. Замечания о том, что материалистическую диалектику нельзя ни на шаг двинуть вперед аналогиями из механики (бухаринские же механические «объяснения» диалектики — не более чем аналогии), что механическое движение само есть лишь особый вид движения вообще, неоднократно высказывались в адрес Бухарина.

В ответ на критику «Теории исторического материализма» ее автор в одной из полемических статей еще раз попытался обосновать «механическую» точку зрения в социологии, т. е. теорию равновесия системы (общества) со средой (природой). Сформулированная Бухариным альтернатива — объяснять ли общест-

¹¹ См.: Аксельрод Л. И. Критика основ буржуазного обществоведения и исторический материализм. Иваново-Вознесенск, 1924, с. 3—4.

венные явления по типу закономерностей и связей живого, органической системы, или по типу закономерностей и связей, изучаемых современной механикой, т. е. механической системы, — решается им в пользу механики по следующим соображениям.

Рост идеализма в буржуазной науке и философии, пишет он, привел к «органическому» мистицизму. Понятие жизни стало мистическим (Бергсон, Дриш и К^о) и посему не может быть аналогом при объяснении общественных явлений. Таким аналогом не может быть и «атом старой механики», поскольку он мыслился как абсолютно изолированная, обособленная частица. Но с точки зрения современного учения об электронах и атомах как целых системах, наподобие солнечной, старое противопоставление механического и органического стало бессмысленным, ибо понятие системы теперь равно можно отнести и к мертвому и к живому, и к «механизмам» и к «организмам» (в том числе и к «производственному организму»). Поскольку понятие системы стало всеобщим, постольку методологическим принципом объяснения вообще и общественных явлений в частности должен стать принцип системности, уложенный в рамки общей теории подвижного равновесия систем со средой.

Этот ход рассуждений поразительно напоминает ход рассуждений Богданова, суть которых в бухаринском изложении такова: «1) Все можно рассматривать как системы, т. е. элементы в определенном типе связи; 2) если это так, то можно вывести некоторые общие законы; 3) тогда философия становится излишней и заменяется всеобщей организационной наукой...». ¹² В. И. Ленин решительно выступил против этого нигилистического вывода, позитивистская природа которого очевидна. ¹³

Возможность универсального, в самых разных областях науки, применения системно-структурного анализа не делает марксистскую философию «излишней», а лишь способствует дальнейшему развитию и обогащению соответствующих ее категорий. ¹⁴ В нашей философской литературе неоднократно уже отмечалось, что принципиальные идеи системного подхода содержатся в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Поэтому нет никаких оснований для вывода о необходимости «синтезировать» марксистско-ленинскую диалектику с богдановско-бухаринской теорией равновесия систем со средой, как это предлагал французский структуралист Лео Апостель. ¹⁵

¹² Цит. по: Ленинский сборник XII, с. 384.

¹³ См. там же, с. 385.

¹⁴ Рассмотрение понятий «система», «структура», «элемент» в качестве философских категорий отнюдь не исключает разработки системного подхода как специфической общенаучной концепции.

¹⁵ См.: Apostel L. *Matérialisme dialectique et méthode scientifique*. — „Socialisme“, 1960, № 40.

Необходимым конституирующим признаком всякой системы, по мнению Бухарина, является пространственно-временная организация ее элементов. С этой точки зрения производственные отношения выделяются как трудовая координация людей («живых машин») в пространстве и во времени. Такое толкование производственных отношений, выхолащивающее их социально-экономическую суть, не отграничивающее их от отношений технологических, было подвергнуто критике.¹⁶

Логика «Теории исторического материализма» — это логика механицизма (физикализма). Познание социального объекта суть выяснение его структуры, а познание последней сводится к выяснению пространственно-временных отношений элементов данного объекта. Конечно, в социальных системах пространственное расположение элементов — людей и средств производства — имеет место, как во всякой материальной системе, но оно в данном случае несущественно, в том смысле, что не характеризует социальное качество, сущность системы.

Исходя из ленинской идеи сущности разных порядков, А. Ф. Вишневский показал, что сведение механистами социальной жизни к законам жизни вообще и далее — к законам механического движения и энергетических процессов резко нарушает диалектический закон меры сводимости и потому научно бесплодно.¹⁷ Он ссылаясь при этом на ленинскую критику механицизма Богданова. И. К. Луппол писал, что единая действительность представляет нам в различных областях — скажем, в мире неорганическом, органическом и социальном — различные связи и отношения, поэтому и при изучении этих областей должны применяться различные категории.¹⁸

В 1923 г. были обнаружены и изданы массовым тиражом первый и третий выпуски работы В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», нелегально отпечатанной в 1894 г. на гектографе в небольшом количестве экземпляров. Изучение этой и других работ В. И. Ленина позволило советским марксистам более четко уяснить основные моменты ленинской методологии социального исследо-

¹⁶ См.: Перлин Ник. Исторический материализм (Опыт методологического построения). Киев, 1925, с. 114—115. — В. Н. Сарабьянов писал в 1934 г., что сама по себе расстановка людей в пространстве еще ровно ничего не говорит об их социальной связи, т. е. о социальном качестве производственных отношений. «На капиталистической фабрике люди могут быть расставлены так же, как и на советской, но на капиталистической фабрике рабочие создают для капиталистов прибавочную стоимость» (Сарабьянов В. Н. Диалектический и исторический материализм. Очерки. М., 1934, с. 56).

¹⁷ Вишневский А. Ф. В защиту материалистической диалектики. — «Под знаменем марксизма», 1925, № 8—9.

¹⁸ См.: Луппол И. К. [Рец. на сб. ст.:] Бухарин Н. И. Атака. — «Печать и революция», 1924, № 8, с. 137.

вания¹⁹ и на этой базе развернуть критику книги Бухарина. Отмечалось, что основой марксистской социальной методологии не может быть абстрактно-всеобщее понятие социальной системы вообще, понимаемой как система взаимодействующих людей, охватывающая все их длительные взаимодействия и опирающаяся на их трудовую связь. По мнению И. К. Луппола, связывать это бухаринское определение общества с остальными категориями исторического материализма — безнадежное дело, ибо данное определение не вскрывает специфическую, конкретную сущность общества.

И. К. Луппол прав, поскольку сам по себе системный подход, вопреки точке зрения Богданова и Бухарина, не может претендовать на роль логики построения и развития предметной теории (в данном случае — материалистической теории общества), логики развертывания системы знаний о развивающемся сложноорганизованном объекте. Принцип системности полностью обнаруживает свою плодотворность, лишь взятый в контексте всей совокупности методологических средств диалектической логики. Исходной категорией исторического материализма должно быть конкретно-всеобщее понятие «особой исторически определенной системы производственных отношений» (В. И. Ленин), ведущее к понятию общественно-экономической формации как конкретному единству различных определений.

И. К. Луппол, В. И. Невский, И. П. Разумовский отмечали в своих работах, что, по В. И. Ленину, материалист фактически устанавливает данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические производственные отношения; вскрывает классовые противоречия и прослеживает их развитие; говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов; показывает практический выход из этих порядков, на который толкает само экономическое развитие.²⁰ В. И. Невский и И. П. Разумовский приходят к выводу, что Марксово требование рассматривать действительность в форме конкретной человеческой деятельности всегда было важным моментом методологии В. И. Ленина, который, как сказано ранее, специально сформулировал его в виде одного из требований диалектической логики.

Весьма значительным выступлением против бухаринского механицизма была статья С. А. Айнзафта в журнале «Октябрь

¹⁹ См.: Невский В. И. Ленин как материалист в своих первых работах. Л., 1924; Луппол И. К. Основные моменты социальной методологии В. И. Ленина. — «Воинствующий материалист», сб. II. М., 1925; Разумовский И. П. В. И. Ленин и методы общественных наук. — Учен. зап. гос. Саратов. ун-та, 1924, т. II.

²⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 418—419.

мысли». ²¹ Айнзафт существенно дополнил и развил возражения С. Гоникмана против теории равновесия, критикуя прежде всего трактовку противоречия как механического противодействия противоположно направленных сил. Кроме того, теория равновесия, по его мнению, имеет дело только с внешними количественными изменениями существующих предметов; процессы же возникновения и развития, т. е. качественного превращения, остаются вне поля зрения. Эта теория, стало быть, плохо увязывается с основными элементами диалектики. Наконец, точка зрения равновесия в принципе противоположна точке зрения развития, ибо представляет развитие, движение лишь частным случаем равновесия, его нарушением, условием установления нового равновесия. В диалектике же дело обстоит как раз наоборот: равновесие — частный случай движения. Процесс развития имеет две стороны — движение (изменчивость) и равновесие (устойчивость), которые существуют одновременно, а не последовательно, в чем и состоит диалектика процесса.

Этот тезис развил дальше А. Ф. Вишневский. В своем учебнике по историческому материализму он попытался ввести категории «система», «структура» в контекст общей взаимосвязи категорий диалектики. Автор учебника, критикуя бухаринскую теорию равновесия, отмечал, что единство в развитии моментов возникновения нового и повторяемости не тождественно нарушению и восстановлению равновесия, хотя развитие возможно лишь при наличии относительного покоя, или равновесия, в системе материального движения. «Чтобы понять повторение (повторяемость. — В. К.) в качестве момента развития, надо исследовать структуру данной системы или формы материального движения. Структура же или строение системы — это не что иное, как сущность во всем богатстве ее содержания, взятая в статическом разрезе». ²² Здесь, как видим, понятия системы и формы еще не дифференцируются, употребляются как синонимы; понятие структуры сближается с понятием сущности, что не так уже далеко от действительности. В статье «В защиту диалектики», направленной против механистов, Вишневский несколько подробнее излагает свою точку зрения. Когда вскрыта сущность системы явлений, даны ее качественная, количественная и причинная характеристики, тогда можно сформулировать закон строения (устойчивости) системы и на основании противоречий строения — закон ее изменения, развития. Для этого надо

²¹ См.: Айнзафт С. Диалектика в материализме и теория равновесия тов. Бухарина. — «Октябрь мысли», 1924, № 3—4, 5—6.

²² Вишневский А. Ф. Исторический материализм. Ростов-на-Дону, 1927, с. 50. — В предисловии, помеченном мартом 1925 г., Вишневский отмечал, что учебник написан им на основе цикла лекций, читанных в вузах Москвы в 1922—1924 гг. В практике преподавательской работы марксисты критически подходили к бухаринской «Теории исторического материализма».

изучить явления, составляющие систему, во всех их связях и опосредствованиях. По мнению Вишневого, принципиально возможна модель любой системы явлений, которая наглядно демонстрировала бы, хотя бы в форме гипотезы, механизм взаимной зависимости элементов, иначе говоря, структуру, строение данной системы.²³

Общая ленинская оценка Бухарина как теоретика, воззрения которого «очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским», ибо он «никогда не понимал вполне диалектики»,²⁴ несомненно справедлива и применительно к Бухарину как автору «Теории исторического материализма». Показателен тот факт, что, хотя эта оценка в рассматриваемый период не была известна, критики Бухарина характеризовали его так же. Они пришли к выводу, что бухаринская теория равновесия является продолжением не идей марксизма, а богдановщины. Последовательно он не проводит ни той, ни другой точки зрения, являясь в методологическом отношении эклектиком. В решении целого ряда важных вопросов — о причинности, о соотношении структурных уровней системной организованности, о производственных отношениях — автор «Теории исторического материализма» оказался в плену ложной альтернативы (столь характерной впоследствии для механистов вообще): либо естественноисторический механистический материализм, либо идеализм, будучи не в силах подняться до диалектического материализма.

Главным положительным моментом полемики вокруг «Теории исторического материализма» было обсуждение методологических проблем марксистской социологии. Бухаринские попытки «изложения» и «обоснования» диалектико-материалистического метода с точки зрения теории равновесия встретили в марксистской среде довольно дружный отпор. В защиту этих попыток в печати выступил, со ссылкой на авторитет К. Каутского, лишь один автор — экономист А. Кон.²⁵ Несмотря на то, что бухаринская книга была одним из самых распространенных в 20-е годы учебников по историческому материализму, в сфере теории, таким образом, марксистская социологическая мысль развивалась в оппозиции к концепции Бухарина. Да и в практике вузовского преподавания, как уже отмечалось, его взгляды подвергались критике. В связи со всем сказанным становится очевидной несостоятельность утверждения фальсификатора истории марксистско-ленинской философии в СССР Г. Веттера, который, имея в виду Бухарина и некоторых других механистов, писал, что

²³ См.: Вишневикий А. Ф. В защиту диалектики — «Под знаменем марксизма», 1925, № 8—9, с. 260, 263.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 345.

²⁵ См.: Кон А. Критика «критиков». — «Под знаменем марксизма». 1922, № 5—6.

«вульгарный и механический материализм... господствовал в первые годы революции». ²⁶

Таким образом, одним из зачинателей механистического направления в советской философской науке 20-х годов был именно Бухарин, на что в нашей историко-философской литературе до сих пор обращалось мало внимания. Во второй половине 20-х годов дискуссия с механистами приобрела настолько широкий и ожесточенный характер, что более ранний ее этап отодвинулся на второй план и остался в тени. Но именно полемика вокруг «Теории исторического материализма» в 1922—1925 гг. была начальным этапом критики механицизма. ²⁷ Она завязала первый узел дискуссии, выявила то методологическое противоречие, которое позднее разделило ее участников на «механистов» и «диалектиков» (эти термины стали широко употребляться с 1926 г.). Более детальной и всесторонней критике бухаринская концепция исторического материализма подверглась в конце 20-х годов в связи с борьбой партии против правого уклона. ²⁸

Каковы же конкретные позитивные итоги рассматриваемой полемики? Ленинская критика механицизма и эклектизма Богданова и Бухарина с позиций диалектической логики как общенаучной методологии была успешно продолжена В. И. Невским, И. К. Лупполом, С. А. Айнзафтом, С. Гоникманом, А. Ф. Вишневым и другими советскими философами. Критики бухаринской концепции в общем правильно поняли основную суть материалистической диалектики. В ходе полемики философы тех лет постепенно осознали, что историко-материалистический (социологический) метод не есть простая «пролонгация» диалектического метода, что он имеет свою специфику, свое конкретное выражение. В рамках единства методологической структуры естествознания и обществознания правильно улавливалось отличие социальной методологии от методов естественных наук. Были сделаны попытки ввести в сферу социальной методологии системно-структурный анализ. К сожалению, попытки эти тонули в механистических схемах и потому не имели значительного успеха и широкого резонанса. Рассматриваемая полемика явилась одним из важных этапов становления советской философской науки, утверждения в ней ленинских идей.

²⁶ Wetter G. Der dialektische Materialismus. Sein Geschichte und sein System in der Sowjetunion. Wien, 1958, S. 183.

²⁷ Данного факта не может опровергнуть то обстоятельство, что в рассматриваемый период Бухарина критиковали и те философы (Сарабянов, Аксельрод), которые затем сами примкнули к механистам. Это говорит лишь о том, что группа механистов была неоднородной не только в политическом, но и в философском отношении.

²⁸ См.: Критика теоретических основ бухаринской концепции исторического материализма. — «Вестник Коммунистической академии», 1929, кн. 35—36.

§ 2. В. И. Ленин и борьба с философским нигилизмом в СССР (1922 — 1926 гг.)

Поскольку нигилистические выступления в советской философии начала 20-х годов шли в одном русле с механистическими выступлениями и были питательной средой для последних, мы считаем необходимым, прежде чем перейти к рассмотрению дискуссии с механистами, дать изложение полемики с так называемыми «ликвидаторами философии».

Нигилистические тенденции в определенном аспекте явились не чем иным, как леворадикальной по форме и упрощенно материалистической по содержанию реакцией на активизацию религиозно-идеалистической философии, поднявшей голову в нашей стране после введения нэпа. Отвергая передовую науку и необходимо сопутствующий ей стихийный материализм, идеалистическая философия откровенно смыкалась с поповщиной, религиозной мистикой и была прямо направлена против социалистической идеологии молодого государства рабочих и крестьян.

Поскольку под флагом философии выступала идейная реакция, философия как мировоззрение тем самым как бы скомпрометировала себя в глазах широких кругов, поднятых к сознательной жизни Октябрьской революцией. То был период крутой ломки всего старого, в том числе и мировоззрения, идеологии, и отрицание всего так или иначе связанного с буржуазно-феодальной культурой, нравами, бытом, стало весьма распространенным настроением. Вот это «вполне справедливое и законное субъективное желание изжить старые ненавидимые формы (общественного сознания. — В. К.) и непонимание объективной роли некоторых форм, оставшихся по наследию от старого времени, создают объективную почву для... своеобразного «радикализма» в решении основных проблем в теории идеологии». ²⁹ Выражением этого настроения в условиях недостаточной изученности философского наследия классиков марксизма-ленинизма и было нигилистическое поветрие в советской философии — отрицание философии и идеологии вообще, которое тогда же было окрещено как «болезнь роста», «детская болезнь „левизны“ в материализме». Сыграло свою роль также влияние позитивистских воззрений части естествоиспытателей на соотношение философии и науки.

Благоприятной питательной средой для нигилистических настроений, несомненно, явилось и довольно широкое распространение позитивистских взглядов А. А. Богданова как официального идеолога «Пролеткульта». В соответствии с его концепцией последовательной смены в истории человечества религиозного, философского и научного мировоззрения, разрешение универ-

²⁹ Самойлов А. Ф. Детская болезнь «левизны» в материализме. Поход против философии, идеологии, мировоззрения. Л., 1926, с. 8.

сальных задач научного монизма будет знаменовать новую фазу мировой культуры, так называемую пролетарскую культуру, «когда наука сделает ненужной более философию, как уже теперь не нужна религия».³⁰ Эта вульгарно-социологическая концепция, истоки которой исторически восходят к позитивисту О. Конту, оказала известное влияние на «отрицателей» философии, в частности на С. К. Минина (в ту пору — ректора Петроградского университета), выступления которого получили наибольшую известность. Диалектический материализм и наука, по его мнению, — одно и то же, а в науке нет места для философии, как и для религии. Диалектический материализм отождествляется у Минина с наукой как с чем-то всеобъемлющим и самодовлеющим. Отсюда один шаг до позитивистской формулы: наука — сама себе философия. Этот шаг был сделан другим работником Петроградского университета И. А. Боричевским. Нигилистические выступления Минина и Боричевского,³¹ сближавших философию как таковую с религией, нашли поддержку среди философских работников не только Петрограда (Д. Максимов, Г. Горбачев, С. Ковалев), но и других городов страны — Харькова (В. Рожицин), Смоленска (В. Миллер), Царицына (В. Смоленский) и т. д.

Взгляды «ликвидаторов» философии прямо противоречили программным указаниям В. И. Ленина в статье «О значении воинствующего материализма» о необходимости всестороннего развития диалектического материализма, внимательного изучения творчества философских предшественников марксизма, разработки философских основ естественных наук и т. д. Логика нигилистических выступлений, несмотря на всю искренность намерения их авторов противостоять реакционной религиозно-идеалистической философии, объективно вела к идейному разоружению рабочего класса, распространению позитивистских настроений. Поэтому эти выступления были подвергнуты резкой критике рядом советских философов, опиравшихся на прямые указания В. И. Ленина и решения партийных съездов.

В послеоктябрьский период В. И. Ленин неоднократно выступал с резкой критикой нигилистического отношения идеологов Пролеткульта к культурному наследию прошлого. «Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, кото-

³⁰ Богданов А. А. Учение об аналогиях. — «Вестник Социалистической академии», 1923, № 2, с. 97.

³¹ См.: Минин С. К. 1) Философию за борт! — «Под знаменем марксизма», 1922, № 5—6; 2) Коммунизм и философия. — «Под знаменем марксизма», 1922, № 11—12; Боричевский И. А. Введение в философию науки Пг, 1922.

рые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества». ³² Большую роль в борьбе с философским нигилизмом сыграла ленинская критика взглядов Богданова, которая была продолжена затем в статьях В. И. Невского, И. К. Луппола, Н. А. Карева и других советских философов. В предисловии ко второму изданию «Материализма и эмпириокритицизма» (1920 г.) В. И. Ленин указывал, что под видом «пролетарской культуры» Богдановым проводятся «буржуазные и реакционные воззрения». ³³ Последний считал, что без овладения пролетарской культурой, т. е. всеобщей организационной наукой, пролетариат не может совершить социалистической революции и построить социалистическое общество. Бухарину, полагавшему, что «Всеобщая организационная наука» действительно является «преодолением философии», В. И. Ленин отвечал: «Богданов вас обманул, переменяв (*verkleidet*) и постаравшись передвинуть старый спор...». ³⁴ Политика В. И. Ленина в отношении культурного наследия была успешно продолжена ЦК нашей партии.

Нельзя не упомянуть о том, что некоторые авторы выступили в те годы с требованием отвергнуть философию как форму идеологии на том основании, что всякая идеология — «это неверные представления, извращенно изображающие действительность». ³⁵ Мы имеем здесь в виду прежде всего такого известного советского марксиста, как В. В. Адоратский. В том же номере журнала «Под знаменем марксизма», в котором появилась статья Минина «Коммунизм и философия», была опубликована статья Адоратского «Об идеологии». Между этими публикациями существовала определенная связь. Если Минин призывал: «Науку — на капитанский мостик, философию — за борт!», то у Адоратского за бортом пролетарского мышления оказывалась идеология вообще как нечто «ненаучное» и «вредное»: марксизм, выступающий в качестве науки, враг всякой идеологии, ибо научной идеологии быть не может. ³⁶

Основываясь на формальном истолковании высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса по вопросам идеологии, Адоратский приходит к выводу, что идеологическое сознание есть порождение строя, основанного на эксплуатации. С ликвидацией буржуазных отношений устраняется основа идеологического мышления. «Высшая идеология — философия подготовила все для своего собственного отрицания». ³⁷ Эту точку зрения Адоратский

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 304—305.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 12.

³⁴ Ленинский сборник XII, с. 385.

³⁵ Адоратский В. В. Программа по основным вопросам марксизма. М., 1922, с. 114.

³⁶ См.: Адоратский В. В. Об идеологии. — «Под знаменем марксизма», 1922, № 11—12, с. 200—202

³⁷ Там же, с. 208.

отставал во всех своих произведениях начала 20-х годов. Сошлемся, в частности, на статью «О методе диалектического материализма»,³⁸ в которой утверждается, что, с точки зрения марксизма, никакой философии и быть не должно. Нужны диалектический метод, последовательное применение материалистической точки зрения и положительные науки, изучающие объективную действительность, а не плетущие сеть «идеологии». Эту позицию поддержал И. П. Разумовский,³⁹ ее приветствовали философские нигилисты.

Нигилистические выступления были подвергнуты резкой критике в партийной печати. В центральном органе нашей партии — газете «Правда» в двух номерах (16 и 18 августа 1922 г.) была опубликована статья С. Канатчикова, указавшего на позитивистский и вульгарно-социологический характер ошибок Минина, жестко, однозначно связывавшего религию, философию и науку с интересами отдельных классов — помещиков, буржуазии и пролетариата соответственно.⁴⁰ Критические статьи против нигилизма публиковал и журнал «Под знаменем марксизма».

В журнале «Большевик» в 1924 г. А. Я. Троицкий выступил со статьей под знаменательным заголовком — «Зазорно ли большевику заниматься философией?». В другой статье тот же автор широко использовал высказывания В. И. Ленина, направленные против философского нигилизма, и делал следующий вывод: «...у философии снята, оказывается, не голова, а не идущая к стилю нашего времени корона; философии не отказано в праве находиться среди составных частей коммунистического мировоззрения. Философия совсем не лишена значения в жизни...».⁴¹ Троицкий совершенно правильно подчеркивал социальную функцию, практически-политическое значение философии. Его заслуга и в том, что он выступил против предубежденного отношения отдельных советских философов к В. И. Ленину как теоретику нашей партии.

10 января 1924 г. «Правда» опубликовала статью С. Гоникмана «Против философского ликвидаторства». Автор отмечал, что своеобразный нигилизм, свойственный всякому революционному классу и проявляющийся подчас в огульном отрицании старой культуры, находит наиболее упрощенное выражение в том походе на философию, который тогда наблюдался. Гоникман делал совершенно правильный вывод, что практика

³⁸ Адоратский В. В. О методе диалектического материализма. — «Спутник коммунизма», 1922, № 17.

³⁹ См.: Разумовский И. П. Сущность идеологического воззрения. — «Вестник Социалистической академии», 1923, № 4, с. 223. — В. В. Адоратский и И. П. Разумовский вскоре отказались от своих ошибочных взглядов.

⁴⁰ См.: Минин С. К. Философию за борт! — «Под знаменем марксизма», 1922, № 5—6, с. 122.

⁴¹ Троицкий А. Философия на службе революции. — «Под знаменем марксизма», 1924, № 4, с. 20.

борьбы с буржуазной идеологией властно требует «заполнения философской брешы». Если в мировоззрении рабочего образуется «философская пустыня», туда устремляются потоки буржуазной философии.

Содержание дискуссии с «ликвидаторами философии» было подытожено и развито в книге А. Ф. Самойлова, на которую мы выше ссылались. Эта книга — заметное явление в теоретической полемике тех лет. Остается только пожалеть, что, законченная в апреле 1924 г., она была опубликована лишь в 1926 г. Автор показал, что «антифилософы» в своих концепциях доводят до абсурда взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на философию, что концепции эти есть плод полнейшего игнорирования истории науки и философии в их преемственном развитии. Отрицание древней науки и древней философии и вывод о «неожиданном» появлении науки в новейшее время, точнее, в эпоху выдвижения пролетариата как руководящего класса, просто-напросто противоречат историческим фактам.

Самойлов стремился выяснить, какую социальную функцию выполняла философия в прошлом и в состоянии ли она сохранять и теперь свою «социальную полезность», какую философию марксизм отрицает, опровергает и какая, наоборот, входит в марксизм в качестве составной части. Рассматривая философию как особую идеологическую форму и прослеживая историю ее развития, автор книги показывает научность материализма и ненаучность и непоследовательность идеализма, весьма часто смыкающегося с религией. К. Маркс и Ф. Энгельс боролись поэтому не против всякой философии вообще, а против идеалистических спекулятивных систем и метафизического метода мышления. Отрицание философии марксизма проистекает из игнорирования истории материализма, его связи с теорией научного коммунизма, из игнорирования философской традиции и роли преемственности в генезисе марксизма. Философия в марксизме превзойдена по своей форме (а форма прежней философии — это наука наук), но сохранена по своему действительному содержанию. «Форма современной философии — это отдельная наука, наука об общих законах процесса мышления, т. е. диалектика и логика».⁴² Итак, марксизм имеет свою философию — диалектический материализм — как особую отрасль научного познания, имеющую свой предмет и метод исследования. В этом плане никакого принципиального противопоставления философии науке нет и быть не может. Огульное же отрицание философии «имеет в своей основе состояние современной идеалистической философии, ибо было бы абсурдно отрицать научную ценность материалистических систем философии, их развитие в связи с развитием естествознания и техники».⁴³

⁴² Самойлов А. Ф. Детская болезнь «левизны» в материализме, с. 70.

⁴³ Там же, с. 73.

Религиозно-идеалистическая философия не исчезает путем «уничтожения» самого термина «философия». К. Маркс и Ф. Энгельс воспринимали все формы идеологии, в том числе и философию, не как пустые хитросплетения ума, а как реальные сущности. Задача же диалектического материализма — преодолеть философию буржуазного общества как идеальный придаток последнего. Но сделать это можно только путем теоретической и практической борьбы. Так философия тесно связывается с революционным движением. Именно в этом Самойлов усматривает «социальную полезность» философии марксизма.

Самойлов выяснил два значения, два различных аспекта, в которых употреблялось понятие «идеология» у К. Маркса и Ф. Энгельса. Во-первых, идеология, идеологизм — это ложное, извращенное, в частности идеалистическое, понимание общественных явлений, когда не идеи выводятся из действительности, а действительность — из идей. Во-вторых, идеология как надстройка над экономическим базисом, как общественное сознание. Во втором случае понятие идеологии «имеет логическое значение и является основным», в первом — «историческое значение и является полемическим термином в борьбе с разновидностями идеалистической философии».⁴⁴

Таким образом, нельзя сказать, что нигилистические выступления не встречали должного и своевременного критического отпора. Но философский нигилизм не умер, он обрел второе дыхание в выступлениях механистов. Не случайно XIII съезд партии специально указал на необходимость борьбы с упрощенчеством, «походом на теорию» и постановил принять все меры к скорейшему изданию полных собраний сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.⁴⁵

Годом раньше XII съезд партии постановил организовать издание научно-популярной литературы, «ставящей на место... религиозных представлений ясные научные взгляды на природу и человеческое общество».⁴⁶ В этом плане определенное значение имела брошюра И. И. Скворцова-Степанова «Исторический материализм и современное естествознание». Но в работе, имеющей подзаголовок «Марксизм-ленинизм. Очерки современного мировоззрения», даже не упоминается о материалистической теории познания, об основном вопросе философии, о философском понятии материи и т. д. Почему так получилось? Из других работ этого автора ясно видно, что под «современным мировоззрением» он понимает не философию марксизма, а «последние наиболее общие выводы современной науки», «общую кар-

⁴⁴ Там же, с. 127.

⁴⁵ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК М., 1954, ч. II, с. 62, 86, 87.

⁴⁶ Там же, ч. I, с. 744

тину мира и происходящих в нем процессов, которая составляет научным работником». ⁴⁷

И. И. Степанов слишком узко и упрощенно интерпретировал мысль Ф. Энгельса о «конце философии». До второго издания указанной брошюры ни в ней, ни в других работах он не употреблял термина «диалектический материализм», полагая, что, «перевернув диалектику Гегеля, Маркс пришел к историческому материализму». ⁴⁸ Значит, марксизм — это лишь социальное мировоззрение, теория общественного развития. Поэтому марксист должен дополнить исторический материализм современным естественнонаучным мировоззрением. И. И. Степанов прослеживает в указанной брошюре, как современное естествознание устанавливает непрерывную цепь преемственности, непрерывный ряд развития от амёбы до человека, подтверждая, что «дух» не явился откуда-то извне, а имеет вполне естественное происхождение. «Марксизм прямо и открыто усваивает эти выводы современного естествознания... делает их частью своего собственного миропонимания». ⁴⁹ Диалектика отождествлялась у автора с «результатами естествознания в их собственной связи», а ее «основная характеристика» связывалась с непрерывностью развития, непрерывностью превращения одних форм энергии в другие.

Ошибочен вывод В. Зыбковца о том, что, с точки зрения Степанова, исторический материализм полностью поглощает диалектический материализм. ⁵⁰ У Степанова на этот счет имеются неоднократные и недвусмысленные заявления. «Исторический материализм продолжает то дело, которое в одной своей части выполнено общепhilosophическим (т. е. диалектическим. — В. К.) материализмом, или, употребляя более ясное и прямое выражение, современным естествознанием». ⁵¹ Следовательно, автор брошюры отождествляет диалектический материализм с естественнонаучным материализмом.

Основной и наиболее общий подход современного естествознания к изучаемым явлениям Степанов «в согласии со многими естествознавцами» видел в «механическом понимании природы», связывая последнее с принципом энергетизма и принципом каузально-аналитического физико-химического исследования. Именно по этой линии он искал точки соприкосновения естество-

⁴⁷ Скворцов-Степанов И. И. Диалектический материализм и дебютерская школа. М.—Л., 1928, с. 3.

⁴⁸ Степанов И. И. Страх смерти против исторического материализма — «Под знаменем марксизма», 1922, № 10—11, с. 97.

⁴⁹ Степанов И. И. Исторический материализм и современное естествознание М, 1925, с. 22.

⁵⁰ См.: Зыбковец В. Скворцов-Степанов. — В кн.: Философская энциклопедия. Т. V. М., 1970.

⁵¹ Степанов И. И. Исторический материализм и современное естествознание, с. 55.

веннонаучного материализма (в форме «механического миропонимания») и исторического материализма, стремясь увязать их в единое монистическое мировоззрение, точнее было бы сказать, — в единую научную картину мира, построенную, помимо вышеупомянутых принципов, на принципах единства мира и его развития. Следует подчеркнуть в данной связи, что понятие «научное мировоззрение» трактовалось в 20-е годы (да и по сию пору) довольно неоднозначно. Это было связано с тем, что вопрос о соотношении понятий «философия», «научная картина мира» и «мировоззрение» не был в тот период даже поставлен.⁵²

Из того факта, что естествознание составляет естественнонаучную основу материалистической философии, Степанов сделал неверный вывод об их тождестве, лишив тем самым философию права на существование в качестве специфической системы знания со своими категориями, законами и т. д. Он не сумел в данном случае подняться до представления о материалистической диалектике как философском фундаменте марксизма, как общенаучной методологии, обнаруживающей свою силу и в общественном знании и в естествознании. Именно с этим связаны дальнейшая борьба Степанова против историко-философского изучения диалектики («гегельянства»), его предложение заменить историю философии историей науки. Каковы же истоки подобных взглядов? На первое место здесь следует поставить тот факт, что ленинское философское наследие еще не было вовлечено в широкий научный оборот, исследовано и освоено, а также влияние позитивистского решения вопроса о соотношении философии и науки многими крупными естествоиспытателями того времени, в том числе и К. А. Тимирязевым, которого И. И. Степанов называл своим «путеводителем». Сыграло свою роль, конечно, и широкое распространение нигилистического отношения к философии, ограничение общетеоретических основ марксизма преимущественно историческим материализмом как общей наукой об обществе. И наконец, последний по счету, но отнюдь не по важности момент — это влияние Богданова, с которым Степанова связывало длительное литературное сотрудничество в разработке вопросов политической экономии.

В советской философии 20-х годов Степанов был вовсе не одинок в понимании марксизма как исторического материализма, дополняемого естественнонаучным материализмом («механическим миропониманием»). Такова была точка зрения многих философов, особенно тех, кого называли философскими нигилистами и механистами. По мнению В. С. Рожицина, марксизм в исследовании общества представлен историческим мате-

⁵² Попыткой решения данного вопроса в современной литературе является работа В. Ф. Черноволенко «Мировоззрение и научное познание» (Киев, 1970).

риализмом, а в изучении природы — современными направлениями материалистической физики и биологии, «механическим мировоззрением в точных науках (атомизм и механизм)». ⁵³ Мы можем сослаться также на работу Э. Эссена «Введение в изучение марксизма», в которой вместо диалектического материализма излагается естественнонаучная картина мира. «Мне кажется, что для осознания этого (речь идет о «получении правильного представления о человеческом обществе, законах его развития и месте его в природе». — В. К.) необходимо исходить не из философии, а из естествознания». ⁵⁴ Естествознание, изложению которого посвящена первая часть работы, автор рассматривает как «введение в исторический материализм». Налет подобного представления дает себя знать и в работе Г. А. Гурева «Дарвинизм и марксизм» (1924 г.). Автор полагает, что указанные в названии книги учения являются составными частями единого материалистического воззрения на природу (дарвинизм) и общество (марксизм). Философский материализм фактически отождествляется с естественнонаучным, точнее — с дарвинизмом. В переизданном в 1922 г. сборнике статей Л. И. Аксельрод «Против идеализма» утверждается, что «механическое миропонимание» составляет сущность материализма. ⁵⁵

Степанов выразил также точку зрения многих ученых-естественников того времени, с позиций стихийного материализма противопоставлявших идеалистической философии и религиозной идеологии данные современной науки, популяризовавших и пропагандировавших в массах естественнонаучную картину мира в противовес религиозно-идеалистической. Практика атеистической естественнонаучной пропаганды вплотную подвела этих ученых (А. К. Тимирязев, Г. Г. Боссэ, С. С. Перов и др.), группировавшихся, в частности, вокруг Государственного Тимирязевского научно-исследовательского института изучения и пропаганды естественнонаучных основ диалектического материализма (образован в 1924 г.), к необходимости более четко оформить свое мировоззрение, осознать его исходные теоретические принципы. Как уже показано, это были принципы естественно-исторического материализма в форме «механического миропонимания».

Естественно вставал вопрос — он стал центральным в дискуссии с механистами — об отношении «механического миропонимания» к диалектическому материализму. Механисты их отождествляли. Марксизм должен быть построен из двух состав-

⁵³ Рожицин В. С. Новая наука и марксизм. — «Пути просвещения», 1922, № 3, с. 4.

⁵⁴ Эссен Э. Э. Введение в изучение марксизма. Вып. 1. Естествознание и обществознание. Л., 1924, с. 9. — Партийный работник и ученый-марксист Э. Эссен не был механистом и не принимал участия в рассматриваемой дискуссии.

⁵⁵ Аксельрод Л. И. Против идеализма. М. — Пг., 1922, с. 30.

ных частей — исторического материализма и «механистического естествознания». ⁵⁶ Фактически марксизм отождествлялся с единой научной картиной мира, хотя этот факт механистами не был осознан.

8 февраля 1925 г. совет Тимирязевского института провел обсуждение книги И. И. Степанова. В своей резолюции совет приветствовал появление книги. В поддержку ее выступили И. А. Боричевский, а также ученые-естественники А. К. Тимирязев, Г. Г. Боссэ, С. С. Перов и др. С их точки зрения, диалектики как философской науки не существует, ибо «это лишь метод всякого марксистского научного исследования» ⁵⁷ — «механистический» метод современного естествознания. Последовательная механистичность и есть естественнонаучная диалектичность. «Для настоящего времени диалектическое понимание природы конкретизируется именно как механистическое понимание, т. е. как сведение всех процессов природы (в том числе и психических. — В. К.) исключительно к действию и превращениям тех видов энергии, которые изучаются физикой и химией». ⁵⁸ В ходе полемики И. И. Степанов уточнил, что вместо выражения «механистическое понимание природы» следовало бы употреблять выражение «механистическое понимание мира» и говорить о «механистическом мировоззрении» как современном монистическом понимании мира в целом, включая и человеческое хозяйство, и самого человека, т. е. явления общественной жизни. ⁵⁹

Уже в ходе обсуждения книги И. И. Степанова в Тимирязевском институте с аргументированной критикой ее выступил М. Левин. Возражая против отождествления диалектического материализма с последними и наиболее общими выводами естествознания, он напомнил о кризисе философских основ естествознания, вскрытом В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм». С философской точки зрения естествознание не есть нечто абстрактно единое, а представляет собой чрезвычайно сложное, мировоззренчески гетерогенное образование. Поэтому необходим дифференцированный подход к оценке борющихся в естествознании течений, среди которых есть и идеалистические. Материализм естествоиспытателей является стихийным, т. е. философски не осознанным, не оформленным и потому

⁵⁶ См.: Механистическое естествознание и диалектический материализм. Дискуссионный сб. № 1. Вологда, 1925, с. 28 — В редколлегия сборника, вышедшего затем под названием «Диалектика в природе» (вышло пять номеров), входили физик А. К. Тимирязев, философ А. И. Варьяш, биолог Г. Г. Боссэ, химик С. С. Перов и др. Всего в 1925—1929 гг. вышло, стало быть, шесть сборников работ механистов.

⁵⁷ Там же, с. 5.

⁵⁸ Степанов И. И. О моих ошибках, «открытых и исправленных» т. Стэнном. — «Большевик», 1924, № 14, с. 85.

⁵⁹ Скворцов-Степанов И. И. Вступительное слово. — В кн.: Механистическое естествознание и диалектический материализм, с. 15.

не всегда последовательным, до конца выдержанным. Мало поэтому просто его поддерживать. Необходимо «возглавить стихийно-материалистическое движение, оформить его, пропитать диалектикой... дабы постепенно превратить из союзника в истинного соратника». ⁶⁰ Точка же зрения автора обсуждаемой книги — «замаскированный хвостизм», поскольку И. И. Степанов «объективно тащит нас назад»: от диалектического материализма к естественнонаучному материализму Бюхнера, Фогта, Молешотта. Проводимая им богдановская схема развития мировоззрения (религия — философия — наука) не выдерживает критики. М. Левин выступил также против проявившейся у А. К. Тимирязева тенденции отрицать или брать под сомнение те естественнонаучные теории, творцы которых допускали идеалистические либо телеологические высказывания. Критик позиции механистов в своих выводах опирался на ленинское философское наследие, и это — несомненное достоинство рассматриваемого выступления.

Весьма примечательно, что в пылу полемики Степанов часто не замечал противоречивости своей позиции. Так, утверждая, что закону сохранения энергии подчинена вся область общественных явлений, он тут же оговаривался, что экономические отношения мы выражаем в экономических терминах, при анализе соотношения общественных сил применяем категории исторического материализма, не помышляя о сведении их к более простым категориям физики и химии. ⁶¹ Но какое же тогда, спрашивается, эвристическое значение имеет закон сохранения энергии при анализе экономических и общественных отношений?

Как видим, пытаясь установить взаимосвязь естествознания и философии, механисты игнорировали, точнее — не осознавали качественной грани, существующей между философским и конкретнонаучным познанием и в соответствии с этим между диалектикой как методом научно-философского исследования и частнонаучными специальными методами, особенно физико-химическим методом в биологии, который механисты, страстно его пропагандируя, склонны были универсализировать.

Резкая, хотя и не всегда последовательная критика этой позиции А. М. Дебориным, Я. Э. Стеном, И. К. Лупполом, Н. А. Каревым, А. Я. Троицким, А. Ф. Вишневским и другими советскими философами, а также публикация (в 1925 г.) ленинского фрагмента «К вопросу о диалектике» не прошли бесследно. Отказ механистов от первоначальной точки зрения очевиден уже в их втором сборнике («Диалектика в природе»), вышедшем в 1927 г. Как указывалось в заявлении «От редакции», сборник

⁶⁰ Речь тов. М. Левина. — В кн.: Механистическое естествознание и диалектический материализм, с. 33.

⁶¹ Скворцов-Степанов И. И. Диалектический материализм и деборинская школа, с. 115.

ставил своей задачей разработку на основе проблем естествознания материалистической диалектики как общенаучной методологии. В рамках тесного и взаимоплодотворяющего союза естествознания и диалектики естествоведы должны пройти основательную «философскую школу». Отправным пунктом этой работы должны быть детальный разбор и усвоение всего идейного наследия классиков марксистской мысли — К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Г. В. Плеханова — в связи с современным естественнонаучным материалом.

Рассматриваемый сборник открывался статьей С. Ф. Васильева «К характеристике механического материализма». Ее автор правильно вскрыл характерные черты механицизма: игнорирование объективной иерархии закономерностей, свойственных качественно различным ступеням развития материи, сведение законов высших форм движения материи к законам низших форм движения, свойств целого — к свойствам составляющих его элементов, общего — к особенному и отдельному. Вопрос о механицизме как общеметодологической концепции был для науки того времени весьма острым и злободневным. В те годы среди физиологов и психологов широкое распространение получили попытки рассматривать рефлексы как исходные первоэлементы, из которых складываются сколь угодно сложные действия, поведение животного, человека, социальной группы. Незрелость этого представления связана с тем, что не была еще отработана идея о целом как иерархии структур (и соответственно — элементов) различного уровня сложности. В качестве типичного примера реставрации метода механического материализма в современной науке С. Ф. Васильев привел «Коллективную рефлексологию» (1922 г.) академика В. М. Бехтерева, методологически построенную на универсализации закона сохранения и превращения энергии, на применении его к общественным явлениям. «В самом деле, Бехтерев исходит из принципа сохранения энергии и стремится свести сложные общественные явления к простым рефлексам, которые в свою очередь должны объясняться физико-химически. Однако т. Степанов вряд ли рискнет утверждать, что в воззрениях Бехтерева есть хоть гран диалектики». ⁶² Редакторы рассматриваемого сборника фактически отмежевались от И. И. Степанова, поставив его в один ряд с С. К. Мининим. ⁶³

Несмотря на указанную эволюцию во взглядах механистов, имелись определенные основания для продолжения дискуссии с ними. Редакторы сборника «Диалектика в природе» неоднократно подчеркивали, что необходимо «отыскать в природе

⁶² Васильев С. Ф. К характеристике механического материализма — В кн.: Диалектика в природе. Сб. 2 Вологда, 1927, с. 46.

⁶³ См. Перельман Ф., Рубановский Л., Великанов И. Два уклона в марксистской философии. — В кн.: Диалектика в природе. Сб. 2.

основные законы диалектики», «вскрыть объективную диалектику природы» и т. д. Стало быть, речь шла, собственно, не о разработке теории диалектики, а о показе того, что в природе «все совершается диалектически». Концентрируя внимание в основном на естественнонаучном обосновании и подтверждении диалектического материализма, что было, разумеется, делом полезным, механисты противопоставляли эту задачу разработке диалектики как логики и теории познания и сопутствующему ей (разработке) историко-философскому изучению образцов сознательной диалектики, называя подобное изучение «схоластикой», «гегельянством» и т. д. В связи с этим им предъявлялись в ходе дискуссии упреки в эмпиризме, «теоретическом хвостизме» и т. п. В. И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» вскрыл связь двух указанных путей изучения и разработки материалистической диалектики и показал ложность их противопоставления.

Весьма симптоматично, что на данном этапе дискуссии, которая уже была близка к завершению, нигилистические и механистические выступления открыто поддержал А. А. Богданов, который ранее это делал более или менее завуалированно. Мы имеем в виду доклад Богданова в Коммунистической академии «Пределы научности рассуждений» (1927 г.). Ход мыслей докладчика таков. Поскольку большинство звеньев в цепи философского рассуждения не могут быть прямо проверены на опыте, эти рассуждения не имеют научной ценности и есть просто-напросто «рассуждательство», которое с характерным для него словесным фетишизмом представляет собой «реакционную утопию». Поэтому все философские системы прошлого, в том числе и гегелевская, не нужны и вредны. Основной вопрос философии — о реальности внешнего мира — возник «на почве слов и относится к числу пережитков донаучного прошлого». ⁶⁴ Имея в виду дискуссию «диалектиков» с механистами, А. Богданов говорил об «эпидемии рассуждательства», «неогегельянства». Гипертрофия рассуждений, по мнению докладчика, развивается в эпоху отмирания какой-либо великой доктрины. ⁶⁵ Относительно одного из важных вопросов дискуссии — о сводимости (или несводимости) качественных различий к количественным — докладчик утверждал, что понятие качества никакого научного значения не имеет и потому его надо устранить, разложить на другие, более точные понятия.

⁶⁴ Богданов А. А. Пределы научности рассуждений. — «Вестник Коммунистической академии», 1927, № 1, с. 257.

⁶⁵ Какая «доктрина» тут молчаливо подразумевается, видно из того факта, что в другом выступлении Богданов говорил о «великой заслуге наших работников (представителей нигилистической тенденции. — В. К.) как пролагателей путей к освобождению от марксовской идеологии».

При обсуждении доклада Г. К. Баммель, Н. А. Карев и в особенности В. Ф. Асмус вскрыли субъективистский эмпиризм и релятивизм его исходных предпосылок и показали наличие «единого фронта» от механистов всех толков до Богданова.⁶⁶ Теоретическая физиономия «механистического блока» была чрезвычайно пестра. В его возникновении наряду с теоретическими установками далеко не последнюю роль сыграли и моменты групповщины. Элементы групповщины были свойственны и Деборинцам, на заключительном этапе дискуссии превратившим журнал «Под знаменем марксизма» в свой групповой орган.⁶⁷

Полемика вокруг книги И. И. Степанова, в которой нигилистические выступления объективно получили поддержку, явилась логическим продолжением и, что самое важное, завершением дискуссии с нигилистами. Атаки на философию были отбиты, право на существование признано за ней. Последующая дискуссия «диалектиков» и механистов была посвящена прежде всего различным аспектам большого и сложного вопроса об отношении философии и естествознания. Основанием для продолжения дискуссии явились и некоторые серьезные ошибки, допущенные в его решении самими «диалектиками».

§ 3. Продолжение и завершение дискуссии (1927 — 1929 гг.)

Позиция «диалектиков» была весьма противоречивой, верные положения соседствовали в ней с явно ошибочными.

Диалектика как всеобщая методология, писал их лидер А. М. Деборин, занимается исследованием тех категорий, которые лежат в основании всякого знания вообще. Частные категории, относящиеся к отдельным областям действительности, подчиненным всеобщим законам диалектического развития, составляют разновидность, особую форму проявления или частный случай категорий диалектики. На почве применения диалектического метода к исследованию природы вырастет теоретическое (или диалектическое, синтетическое и т. д.) естествознание⁶⁸ в противовес существующему «механистическому» естествознанию — сугубо эмпирическому, односторонне аналитическому,

⁶⁶ См.: «Вестник Коммунистической академии», 1927, № 21, с. 264—283. — В декабре 1927 г. на публичном диспуте в театре им. Мейерхольда Л. И. Аксельрод в пылу полемики заявила, что Богданов лучший марксист, чем ее оппоненты, т. е. деборинцы (см.: «Под знаменем марксизма», 1928, № 1, с. 211).

⁶⁷ Этот момент был отмечен в постановлении ЦК ВКП(б) «О журнале „Под знаменем марксизма“» (см.: «Под знаменем марксизма», 1930, № 10—12, с. 3).

⁶⁸ Деборин А. М. Диалектика и естествознание. М.—Л., 1929, с. 6, 28, 55 (188, 211). — В скобках здесь и далее даются страницы по изданию: Деборин А. М. Философия и политика. М., 1961

а значит, метафизическому. Теоретическое естествознание, или диалектическая теория естествознания, явится составной частью диалектического материализма. Естествознание должно раствориться в философии.⁶⁹ Только диалектика превращает определенную сумму фактов в науку, в научную теорию. Естественники же беспомощны в теоретическом естествознании, в теоретическом осмысливании естественнонаучных фактов. Диалектический метод, не отменяя эмпирического анализа явлений, должен руководить конкретно-научным исследованием. Естествоиспытателям в их «теоретических поисках» (кавычки Деборина) ничего другого не остается, как возвратиться к Гегелю, к его диалектическому методу, который один дает возможность построить теоретическое естествознание.⁷⁰

В основу теоретического естествознания должно быть положено прежде всего учение о единстве противоположностей, о взаимном их проникновении. Для этого необходима точная диалектическая формулировка основных естественнонаучных понятий. В первую очередь указанную работу следует проделать в теоретической физике. Нет ни одного конкретного понятия в физике, которое бы не являлось выражением единства противоположностей. Нет положительного электричества без отрицательного, нет рассеяния энергии без ее концентрации, нет действия без противодействия и т. п.⁷¹

Конечно, сегодня призывы Деборина построить теоретическую физику на таком фундаменте выглядят несерьезными и не нуждаются в особых критических комментариях. Но историк философии должен ответить на вопрос о том, каковы же причины этих ошибок, имевших широкое хождение в 20-х годах (да и много позднее). Говоря о начальном периоде становления и развития советской философской науки, нельзя закрывать глаза на возникшие тогда перед марксистами трудности адекватной интерпретации философского наследия основоположников марксизма, в частности «Диалектики природы» Ф. Энгельса — произведения незаконченного и оставшегося неизвестным В. И. Ленину.

К. Маркс и Ф. Энгельс отвергли представление о философии как о науке наук, натурфилософии, навязывающей частным наукам свое умозрительное решение их проблем, диктующей им конкретные пути развития. Ф. Энгельс отмечал, что уже во второй половине XIX в., — когда благодаря трем великим открытиям естествознание стало упорядочивающей наукой о происхождении и развитии явлений природы и о связи, соединяющей их в единое целое, — можно было составить на основе данных самого естествознания удовлетворительную для своего времени

⁶⁹ Деборин А. М. Диалектика и естествознание. М.—Л., 1929, с. 6

⁷⁰ Там же, с. 31, 50 (190, 207).

⁷¹ Там же, с. 236, 239 (299, 301).

общую картину природы, что означало конец натурфилософии.⁷² Энгельс наметил новый, решительно отличающийся от натурфилософского, горизонт взаимного согласования, систематизации и обобщения научных знаний, который он, по традиции, назвал «системой природы», «общей картиной природы» и т. д. В естественнонаучной литературе начала XX в. этот новый горизонт получил предварительное наименование «научная картина мира». В. И. Ленин пользовался этим понятием в «Материализме и эмпириокритицизме», а в «Философских тетрадах» назвал «научную картину мира» среди прочих логических форм отражения природы в сознании человека.

К сожалению, указанное понятие почти не употреблялось советскими философами 20-х годов. Поэтому выражения «система совокупного научного знания, представленная в научной картине мира», «система научного мировоззрения» и «система диалектико-материалистической философии» употреблялись как близкие по значению, если не равнозначные, что неправомерно, как показано в современной литературе. Поставленную Ф. Энгельсом задачу — составить на основе результатов, добытых самим естествознанием, удовлетворительную для определенного исторического периода, теоретически обобщенную с помощью диалектического метода естественнонаучную картину природы — Деборин истолковал как задачу построить, пользуясь диалектическим методом, теоретическое естествознание. Частные науки лишались, таким образом, самостоятельности по отношению к философии и становились своего рода поставщиками фактического материала для философско-теоретических обобщений, философия подменяла теоретический уровень естественнонаучного познания.

Цель Ф. Энгельса в «Диалектике природы» — развенчать натурфилософию. Деборин же возрождал натурфилософские традиции и претензии. Подобного рода претензии имели место отнюдь не только в его работах. Некоторые авторы полагали, что структуру любой научной дисциплины, ее предмет и метод можно вывести из общих принципов диалектического материализма.⁷³ Диалектическая логика, являясь отражением всеобщих законов развития, познает в то же время пути и методы, которые лежат в основании частных наук. Поэтому диалектическая логика есть в то же время и методология частных наук. Категории диалектической логики вскрываются в частных науках и в известном смысле определяют ход их развития.⁷⁴ Поскольку

⁷² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 304—305.

⁷³ Фингерт Б. А. К вопросу о построении научной психологии — В кн.: Основные течения современной психологии. М—Л., 1930, с. 8 — Б. А. Фингерт не примыкал к группе Деборина и не принимал участия в рассматриваемой дискуссии

⁷⁴ См.: Тымянский Г. С. Вопросы методологии естествознания — «Народный университет на дому», 1929, № 18.

вопрос о типах и уровнях научной методологии в тот период не был четко поставлен, диалектика в работах многих философов фактически превращалась в метод конкретнонаучного исследования.

В трудах классиков марксизма-ленинизма часто встречаются определения диалектико-материалистического метода как единственно правильного, единственно научного. В таких определениях он противопоставляется философским же методам — либо метафизического материализма, либо идеалистической диалектики. Так, Ф. Энгельс, критикуя метафизический способ мышления естествоиспытателей, подчеркивал, что «диалектика... является единственным, в высшей инстанции, методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания». ⁷⁵ В этом контексте диалектико-материалистический метод вовсе не соотносится с методами частных наук и не противопоставляется им. Такое противопоставление привело бы к отрицанию эвристической значимости менее общих, специальных методов научного познания.

Однако высказывания классиков марксизма-ленинизма истолковывались так, что диалектический метод оказывался вообще единственно научным. А чтобы такого рода толкование не вело к отрицанию научной значимости специальных методов (что было бы обскурантизмом и ретроградством), ничего другого не оставалось, как рассматривать их в качестве конкретизации, модификации или специальных (частных) форм проявления, применения и т. п. единого и всеобщего диалектического метода. Диалектика таким путем последовательно превращалась в методологию естествознания («диалектику природы») и в методологию общественных наук («диалектику общества»). Диалектическая методология естествознания в свою очередь конкретизировалась в методологии астрономии, физики, химии, биологии и т. д. ⁷⁶ Поскольку же пределы такой «конкретизации» не устанавливались, не удивительно, что в конце 20-х — начале 30-х годов стали в большом количестве появляться статьи типа «Диалектика двигателя внутреннего сгорания». Ответственным работникам партии пришлось выступить против вульгаризации и профанации марксистской философии. ⁷⁷

Описанное выше решение проблемы соотношения диалектического метода и методов частных наук не могло не повлечь за собой если не прямое отрицание, то фактическое умаление роли последних. Особенно не повезло физико-химическим методам исследования живого. Вопрос об их правомерности был

⁷⁵ Маркс К и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 527—528.

⁷⁶ См.: Куразов И. Ф. Исторический материализм. М.—Л., 1929, с. 13—14.

⁷⁷ См.: Стецкий А. Об упрощенстве и упрощенцах. — «Естествознание и марксизм», 1932, № 1.

одним из наиболее важных в дискуссии с механистами. Он формулировался как проблема «сводимости», т. е. правомерности объяснения свойств сложного на основании изучения его простейших частей, допустимости сведения явлений жизни к элементарному физико-химическому уровню. А. М. Деборин заявил в ходе дискуссии, что вопрос о возможности такого сведения есть «вопрос принципиальный. Его методологическая постановка и разрешение не могут находиться в зависимости от того, достигнуто ли уже или не достигнуто еще фактически такое „сведение“». ⁷⁸ Данная формулировка явно неудачна, потому что в ней практическое решение конкретнаучного вопроса противопоставлялось его философско-методологическому решению. Подобного рода формулировки были истолкованы учеными-естествознавцами, искренне стремившимися разобраться в «отношениях» естествознания с марксистской философией, как наложение деборинцами некоего философского запрета на прогрессирующее применение физико-химических методов в биологии. Как правильно заметил в ходе дискуссии видный физиолог А. Ф. Самойлов, «если диалектики принимают в жизненных явлениях особые формы движения, не поддающиеся физико-химическому объяснению, то они... рискуют ставить границы там, где их не должно быть». ⁷⁹

Возникает вопрос: что же мешало деборинцам, выступавшим от имени диалектического материализма, понять, что выделение физико-химических методов на определенной стадии развития биологии как доминирующих в познании живого еще не означало механистического сведения биологического к физико-химическому? Поскольку диалектический метод есть единство анализа и синтеза, постольку, полагал Деборин, аналитические задачи и методы естественнонаучного познания должны быть подчинены синтетическим как более важным. ⁸⁰ Деборинцы не поняли того, что вопрос о доминировании того или иного метода в системе методов биологии решается исходя из внутренней логики развития самой этой науки и практических потребностей общества, а не из общефилософских соображений. Они пытались прямо и непосредственно ввести диалектический метод в конкретнаучное исследование, игнорируя качественное отличие частнонаучной методологии от общефилософской. Наконец, следует отметить неудачный подход Деборина и некоторых его сторонников к решению вопроса о соотношении высших и низших форм движения материи.

В «Диалектике природы» Ф. Энгельс иногда называл низшую форму движения, из которой закономерно развивается высшая,

⁷⁸ Деборин А. М. Диалектика и естествознание, с. 70—71 (224).

⁷⁹ Самойлов А. Ф. Диалектика природы и естествознание. — «Под знаменем марксизма», 1926, № 4—5, с. 77.

⁸⁰ Деборин А. М. Диалектика и естествознание, с. 141, 144.

«побочной» по отношению к высшей. Дальнейший ход развития естествознания показал, что этот термин не является точным, поскольку основные физические формы движения не «побочны», а основоположны, фундаментальны для всех без исключения природных процессов. Поэтому следует решительно отказаться от термина «побочная форма движения», поскольку он неадекватно передает суть взаимоотношения низших и высших, простых и сложных форм движения материи.⁸¹ К сожалению, он чрезвычайно широко употреблялся в 20-е годы, да и много позднее, для критики применения физико-химических методов в биологическом исследовании. В этом применении усматривалось проявление механицизма.

Трудность решения рассматриваемой проблемы — в объективной сложности структурирования систем в биологии. С одной стороны, организм как целое есть система не просто клеток или органических молекул и т. д., а сложных комплексов клеток, органов. С другой стороны, он состоит из относительно простых элементов, выступающих в качестве строительного материала и обладающих физико-химическими свойствами. Дискуссия о применении физико-химических методов в биологии затянулась на несколько десятилетий, в частности вследствие нерешенности философских проблем, связанных с многокачественностью явлений, многопорядковостью сущности сложноорганизованных объектов, их иерархическим строением. В 20-х годах эти проблемы не были даже поставлены на обсуждение.

В те годы критически отнеслись к выражению «побочная форма движения» И. И. Степанов, А. К. Тимирязев и некоторые другие механисты. Законы физики и химии в биологии не являются чем-то побочным, справедливо отмечал А. К. Тимирязев, физика и химия «перерастают» в биологию. При этом он пояснял, что в принципе не отрицает специфичности явлений жизни, но видит основную задачу науки в объяснении этой специфики, в объяснении того, откуда берется новое качество. «Вкривь и вкось истолковав неудачное выражение „побочные формы” и глумясь над биологами-механистами, распространяющими методы физики и химии на биологию, наши противники играют на руку виталистам».⁸² Степанов предлагал отвергнуть пропагандируемую деборинцами мысль о том, что изучение «побочных» (физико-химических) форм движения не вскрывает сущности биологической формы движения. «Наука открывает теперь новые горизонты: сулит свести... биологию к... молекулярной механике (точнее было сказать — молекулярной биоло-

⁸¹ См.: Кузнецов И. В. Учение Энгельса о формах движения материи — «Вопросы философии», 1970, № 11, с. 71.

⁸² Тимирязев А. К. Из области «наших разногласий» с тов. Дебориным. — В кн.: Диалектика в природе. Сб. 3. Вологда, 1928, с. 35.

гии. — В. К.)». ⁸³ Нужно «развязать узлы», т. е. устранить искусственные барьеры, перегородки между различными формами движения материи и соответственно науками, их изучающими. Приближаясь к верной мысли о необходимости интеграции различных отраслей научного знания и их методов, Степанов зачастую формулировал эту мысль философски нечетко. Тем не менее дальнейшее полувековое развитие науки воочию показало прозорливость видного советского ученого-марксиста. «На базе философии диалектического материализма, в синтетическом объединении методов генетики, физики, химии и математики развязываются главные узлы проблемы сущности жизни, ее происхождения . . .». ⁸⁴

Исходя из неразрывного единства категорий качества и количества, деборинцы выставили требование о необходимости единства качественных и количественных методов исследования в смысле некоего постоянного их равновесия, хотя сами порой преувеличивали роль качественных методов. ⁸⁵ Подобная точка зрения тормозила внедрение математики в биологию и социологию. В противовес этому Степанов полагал, что работа научного познания начинается не с качественного анализа, а со сведения непосредственно данных качеств к чему-то общему, что делает возможными количественную оценку и соизмерение различных качеств. ⁸⁶ Данный тезис перекликается с известной мыслью К. Маркса, превосходным знатоком которого был Степанов, о роли математики в научном исследовании, а также с мнением Д. И. Менделеева, что наука начинается тогда, когда начинают измерять. К сожалению, в пылу полемики Степанов, чрезмерно заостряя свои тезисы, приходил к философски нечетким или просто неверным выводам. Считая количественный анализ единственным способом объяснения явлений и настаивая на преодолении «барьеров» между качественно различными формами движения материи, он высказал ошибочное положение о необходимости стирания качественного многообразия объективного мира в нашем познании. ⁸⁷

⁸³ Скворцов-Степанов И. И. Диалектический материализм и деборинская школа, с. 134.

⁸⁴ Дубинин Н. П. Современная генетика в свете марксистско-ленинской философии — В кн.: Ленин и современное естествознание. М., 1969, с. 308.

⁸⁵ Поэтому замечание Л. И. Аксельрод о том, что критика деборинцами механического материализма в естествознании сводится фактически к возрождению качественной физики, хотя и было преувеличением, но имело под собой определенные основания (см.: Аксельрод Л. И. В защиту диалектического материализма. М. — Л., 1928, с. 88).

⁸⁶ Скворцов-Степанов И. И. Диалектический материализм и деборинская школа, с. 152, примечание.

⁸⁷ С. Ф. Васильев позднее совершенно справедливо отмечал, что применение математики вовсе не обязательно должно быть сопряжено с отрицанием качественных различий и механической концепцией мира, поскольку всякое количественное сравнение предполагает определенный качественный субстрат

Правильно описывая то, что можно было бы ныне назвать стилем естественнонаучного мышления первой четверти XX в., И. И. Скворцов-Степанов склонялся к тому, чтобы черты этого стиля возвести в ранг основных характеристик диалектико-материалистического метода. Деборинцы же, наоборот, пытались прямо и непосредственно ввести диалектико-материалистический метод в конкретнаучное исследование, игнорируя его специфику и пренебрегая особенностями данного стиля естественнонаучного мышления.⁸⁸ Оппоненты допускали здесь одну и ту же ошибку: не учитывали дистанцию, зазор между системой методов естествознания данного исторического периода и философской методологией. Сравнивая отношение Деборина и Степанова к современной им науке и ее методам, можно сказать, что позиция последнего была несомненно предпочтительнее. Но этот вывод ни в коем случае нельзя распространять на всех механистов (как, впрочем, и на всех сторонников Деборина): А. К. Тимирязев, И. Е. Орлов, З. А. Цейтлин отрицали теорию относительности, А. И. Варьяш — объективное содержание категории вероятности и т. д.

С 1928 г. дискуссия «диалектиков» и механистов вступает в свою завершающую фазу. Появляются статьи об итогах, издаются сборники старых и новых полемических статей. Каковы же теоретические рубежи, на которые перешли механисты к завершающему этапу дискуссии? Тезису Деборина о том, что философско-методологическая постановка и разрешение вопроса о «сведении» явлений жизни к элементарным уровням физики и химии не могут находиться в зависимости от того, достигнуто ли уже или не достигнуто еще практически такое сведение, редакторы третьего сборника «Диалектика в природе» (А. К. Тимирязев, А. И. Варьяш, С. С. Перов) противопоставили положение, находящееся в соответствии с указаниями основоположников марксизма-ленинизма: знание основных законов диалектики не освобождает нас от необходимости конкретнаучного исследования.⁸⁹ Они напомнили указание В. И. Ленина, что «стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины... есть оплошение марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом».⁹⁰ Но, справедливо отвергая попытки представить диалектику в роли уни-

(см.: Васильев С. Ф. Из истории научных мировоззрений. М.—Л., 1935, с. 28).

⁸⁸ Стиль этот был в своей основе преимущественно аналитическим, элементаристским, редуционистским. Отметим, кстати, что и до сего времени научное познание развивается в рамках дихотомии элементаризма и целостного подхода, причем возможности, заложенные в этой дихотомии, далеко не исчерпаны (см.: Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М., 1969, с. 7).

⁸⁹ Диалектика в природе. Сб. 3, с. 45.

⁹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 14.

версального поставщика ответов, механисты ограничивали свою задачу лишь тем, чтобы «найти диалектику в природе», и оставляли в тени вопрос об эвристической роли философских принципов в научном исследовании.⁹¹

Определенную эволюцию претерпели и философские взгляды И. И. Степанова. Его исходная точка зрения — отождествление философского метода и мировоззрения с методами и «последними и окончательными выводами» современного естествознания. В последней же статье «Основные итоги дискуссии»⁹² он четко ставит основной вопрос философии, говорит о диалектике как «общей научной методологии», т. е. фактически признает самостоятельную область и специфический метод философского исследования, хотя этот метод не всегда четко отграничивает от частнонаучных, в частности от страстно пропагандируемого им физико-химического метода в биологии. Степанов отмечает теперь, что нельзя путать «философское определение материи» с конкретными физическими воззрениями на ее строение, с электронно-нуклеарной теорией, ибо теория эта дает относительную истину и в будущем может уступить место еще более сложным представлениям. Это позволило Степанову точнее поставить вопрос о связи материалистической диалектики с естествознанием. Суть их связи он усматривает во взаимозависимости и взаимовлиянии. Мало одной стихийной тяги естествознания к диалектике. Нужны «диалектическая критика научных достижений» и даже «диалектическое руководство наукой». Для этого необходимо, конечно, детальное знакомство с конкретными науками, их современными достижениями. В то же время диалектика как общенаучная методология, «вооружающая нас основными приемами подхода к реальным явлениям, к их теоретическому объяснению, сама развивается и углубляется с расширением нашего понимания мира».⁹³ Такой конкретно-исторический подход к пониманию самой диалектики автор противопоставляет «заимствованию» Дебориным диалектического метода у Гегеля.

В итоговой статье Степанов более широко, чем раньше, использует ленинское философское наследие. Хотя и в ней не все приемлемо с точки зрения диалектического материализма,

⁹¹ Этот сложный вопрос получил удовлетворительное решение лишь в недавнее время, преимущественно в работах В. П. Бранского. — См.: Бранский В. П. 1) Эвристическая роль некоторых философских принципов в построении общей теории относительности — В кн.: Методологические проблемы взаимосвязи и взаимодействия наук. Л., 1970; 2) Эвристическая роль философских принципов в создании естественнонаучных теорий. — В кн.: Проблемы философии и методологии современного естествознания. М., 1973; 3) Философские основания синтеза релятивистских и квантовых принципов. Л., 1973

⁹² См. в кн.: Скворцов-Степанов И. И. Диалектический материализм и деборинская школа.

⁹³ Там же, с. 57.

эволюция ее автора налицо. Это не опровергается тем, что в предисловии к сборнику, в котором опубликована рассматриваемая статья, автор заявил о правильности основных положений всех прежних его полемических статей. Фактически, как мы показали, он отошел от позитивистского отношения к философии, и лишь колоссальный накал полемических страстей помешал ему признать это официально, а преждевременная смерть прервала несомненную эволюцию от естественнонаучного материализма к диалектическому — эволюцию, подкрепляемую тем фактом, что «вверху» Степанов всегда был сознательным сторонником и пропагандистом исторического материализма.

Нарком просвещения А. В. Луначарский дал следующую итоговую характеристику участия И. И. Степанова в рассматриваемой дискуссии: «Иван Иванович всегда хотел укрепить естественнонаучный материализм в массах... Когда защитники и уяснители особенности марксистской диалектики по сравнению с доминирующим типом естественнонаучного материализма стали определенно отходить от некоторых устоев последнего, когда они стали напирать на радикальное значение качественных изменений, а отсюда — на... обособленность таких явлений, как жизнь или сознание... на их качественную несводимость к низшим элементам, из которых они, однако, совершенно закономерно возникают, — то эта идея показалась Ивану Ивановичу, учителю, пропагандисту добытых наукой результатов, весьма сомнительным отступлением от того материалистического монизма, который слишком просто хотел свести все качественное разнообразие мира к видимости, за которой скрываются... комбинации некоторых первоэлементов.

На мой взгляд, Иван Иванович в данном случае глубоко ошибался».⁹⁴ А. В. Луначарский, как видим, правильно подметил ошибочные моменты в позициях дискутировавших сторон.

В 1928 г. вышел сборник полемических статей Л. И. Аксельрод «В защиту диалектического материализма (Против схоластики)». В предисловии и заключительной статье автор поясняет, что подзаголовок книги связан с ее направленностью против «соединения диалектического материализма с гегельянством» Дебориным и некоторыми его сторонниками. По мнению Аксельрод, основу диалектического материализма составляет «механическое миропонимание», сводящее качественное многообразие мира к «общему материальному началу» (под которым мыслятся прежде всего физико-химические процессы) и восходящее к механическому материализму XVIII в. К. Маркс и Ф. Энгельс обогатили эту разновидность материализма диалектикой, в теоретическом отношении заимствованной у Гегеля, а вообще-то навеянной общим историческим, экономическим и

⁹⁴ Луначарский А. В. О замечательном человеке Иване Ивановиче Скворцове-Степанове — «Прожектор», № 47, с. 13

политическим развитием западноевропейских стран, в особенности ростом пролетарской борьбы.⁹⁵

Материалистическая диалектика есть продукт всемирно-исторического опыта человечества, поскольку «вся субъективная диалектика отражает объективную диалектику, постигаемую путем опыта».⁹⁶ Аксельрод подходит к формулировке того верного положения, что диалектический материализм не может быть «выведен» — в порядке филиации идей — из учений и теорий предшественников. Тенденция к такому «выведению» действительно проскальзывала у Деборина.

Автор сборника в основном верно освещает главные принципы и законы материалистической диалектики, указывая — с намеком на «схоластику» и «формализм» деборинской школы, — что, «сам по себе взятый (в отрыве от конкретного содержания. — В. К.), всякий метод, в том числе и диалектический, представляет собой систему чисто формальных категорий».⁹⁷ Касаясь вопроса о соотношении высших и низших форм движения материи, Аксельрод указывает на опасность метафизического отрыва биологической формы движения от ее физико-химической основы, отмечает, что диалектический переход совершается здесь на основе превращения количественных изменений в качественные. Ранее она критиковала механистический перенос законов естествознания, в частности механики и биологии, в социологию. Так что можно говорить если не об эволюции, то, во всяком случае, об уточнении автором своих позиций по основным вопросам дискуссии.⁹⁸

Вместе с тем Аксельрод обошла молчанием ряд статей,⁹⁹ в которых критиковались ее гносеологические представления («иероглифическая» трактовка ощущений, утверждение о субъективности «вторичных» качеств и т. д.), неумение применить диалектику к решению теоретико-познавательных вопросов. В сборнике «В защиту диалектического материализма» нет даже упоминания о Ленине и ленинской теории отражения

⁹⁵ Аксельрод Л. И. В защиту диалектического материализма. (Против схоластики). М.—Л., 1928, с. 213.

⁹⁶ Там же, с. 238.

⁹⁷ Там же, с. 218.

⁹⁸ Однако и в заключительной статье сборника Л. И. Аксельрод разделяла метафизический взгляд механического материализма XVIII в. на проблему случайности и умалчивала о критике данной формы материализма классиками марксизма-ленинизма.

⁹⁹ См.: Луппол И. К. «Материализм и эмпириокритицизм» в оценке встретившей его критики. — «Под знаменем марксизма», 1927, № 1; Карев Н. А. Л. И. Аксельрод на пути от материализма к позитивизму. — «Под знаменем марксизма», 1928, № 9—10; 1929, № 3; Ральцевич В. Эмпиризм и диалектика. — «Вестник Коммунистической академии», 1929, № 33. — В связи с большим накалом полемических страстей Л. И. Аксельрод в 1929 г. решила прекратить спор и заниматься лишь положительной теоретической работой.

(автор стремится, по возможности, не употреблять сам термин «отражение»). Тут никакой эволюции не было со времен содружничества с Г. В. Плехановым, которого Аксельрод называла своим учителем. Ленинское философское наследство она игнорировала вплоть до 1934 г.¹⁰⁰

В конце дискуссии с механистами правильную позицию в решении вопроса об отношении «механического» мировоззрения к диалектическому материализму занял В. Н. Сарабьянов. В вышедшей в 1929 г. книге «В защиту философии марксизма» он показал, что это мировоззрение есть не что иное, как стихийный естественнонаучный материализм, при этом диалектика не осознается как метод познания, а используется лишь стихийно и спорадически. Нельзя отождествлять такой материализм с материализмом диалектическим, но нельзя и отвергать его с порога. «Завещание Ленина таково: быть в союзе с механическим материализмом, исправляя его ошибки и переводя на диалектические пути».¹⁰¹ Но в данной книге, как и в прежних работах Сарабьянова, имели место ошибки механистического и субъективистского порядка, которые были подвергнуты обстоятельной критике в серии статей А. К. Столярова, объединенных позднее в книге «Субъективизм механистов и проблема качества» (1929 г.).

Основанием для продолжения дискуссии на завершающем ее этапе служили ошибки, подчас взаимные, в решении некоторых конкретных вопросов, неточности в выражении мысли и т. д. Спорящие группировки часто давали неадекватные характеристики взглядам противника, допускали передержки. Это приводило к тому, что дискуссия приобретала все более резкий, грубый характер, выдыхалась, мельчала и шла в немалой степени в силу полемической инерции. Особенно раздражал и возмущал механистов тот факт, что деборинцы совершенно игнорировали сдвиги в их взглядах, их шаги в сторону диалектического материализма.¹⁰²

¹⁰⁰ 20 июня 1934 г. состоялась научная сессия Института философии Коммунистической академии, посвященная 25-летию выхода в свет работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В выступлении на этой сессии Аксельрод заявила. «Книга Ленина приобрела колоссальное историческое значение, которое теперь гораздо более видно, чем мне это было видно 25 лет тому назад» (Аксельрод Л. И. О борьбе Ленина с философским ревизионизмом и вопросы теории отражения. — «Под знаменем марксизма», 1934, № 4, с. 139).

¹⁰¹ Сарабьянов В. Н. В защиту философии марксизма. М.—Л., 1929, с. 131.

¹⁰² А. К. Тимирязев и А. И. Варьяш говорили в этой связи о «фракционном бешенстве» деборинцев, утверждавших, что механистов «нужно бить беспощадно» (см.: Диалектика в природе. Сб. 5. М., 1929, с. 11; Карев Н. А. К итогам и перспективам споров с механистами. — «Под знаменем марксизма», 1928, № 4, с. 29), но сами демонстрировали не меньшую степень «фракционного бешенства», заявляя, что «ликвидация марксизма со стороны т. Деборина и его сторонников почти закончена» (Диалектика в природе. Сб. 5, с. 103).

Вторая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научных учреждений (апрель 1929 г.) отвергла предложение А. И. Варьяша, В. Н. Сарабьянова, А. К. Тимирязева и др. объединить усилия в борьбе против возродившихся течений махизма и витализма, поскольку механисты не изжили еще полностью своих ошибочных взглядов. На конференции наметилась тенденция квалифицировать механистический материализм как теорию правого уклона, т. е. подвести под все это направление, несмотря на его политическую и философскую неоднородность, единую классовую (мелкобуржуазную) базу. Эта тенденция получила затем широкое распространение в связи с развернувшейся борьбой против правого уклона, лидером которого был Бухарин. Е. М. Ярославский определил как карикатуру на марксизм упрощенную формулу: механист в философии — правый уклонист в политике.¹⁰³ К сожалению, это высказывание осталось единичным актом. Поскольку с термином «механист» стала связываться определенная политическая квалификация, Варьяш, Перов, Сарабьянов, Тимирязев категорически протестовали против применения этого термина для характеристики их взглядов и отмечали, что, хотя у них есть отдельные ошибки в философии, во внутрипартийной борьбе они держались правильной политической линии.¹⁰⁴

Таким образом, дискуссия «диалектиков» с механистами закончилась в 1929 г., но критика тех и других продолжалась и в 30-е годы в связи с борьбой с механицизмом и с формалистическим уклоном.

¹⁰³ См.: Ярославский Е. М. Можно ли сотрудничать в антирелигиозной пропаганде с механистами. (Ответ товарищам: Гессену, Аголу, Гоникману, Левину, Левиту, Подволоцкому, Стену, Кареву, Лупполу и Ральцевичу). — «Антирелигиозник», 1930, № 5, с. 70.

¹⁰⁴ См.: Варьяш А., Перов С., Сарабьянов В., Тимирязев А., Перельман Ф., Чукичев И. Письмо в редакцию. — «Антирелигиозник», 1930, № 6; Варьяш А., Перов С., Тимирязев А. С больной головы на здоровую. — «Под знаменем марксизма», 1931, № 1—2.

Глава 3

ОТСТУПЛЕНИЯ МЕХАНИСТОВ ОТ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

§ 1. Ошибки механистов в гносеологии

Некоторые механисты, находившиеся под влиянием позитивистских настроений, явно недооценивали роль гносеологии в марксистской философии, хотя совсем уклониться от гносеологических проблем они, естественно, не могли. Мы имеем здесь в виду прежде всего И. А. Боричевского, И. И. Степанова, А. К. Тимирязева. Они выступали против выделения материалистической теории познания как «самостоятельной области философствования». По их мнению, наука сама устанавливает свою теорию познания. Поэтому постановка и решение теоретико-познавательных вопросов растворялись в общих выводах либо естествознания, в особенности биологии, либо обществознания. Другая часть механистов — Л. И. Аксельрод, В. Н. Сарабьянов, А. И. Варьяш, — у которой вопросы теории познания играли более существенную роль, допускала серьезные отступления от принципов марксистско-ленинской гносеологии. Общим для всех механистов было прежде всего игнорирование ленинской постановки «исконного гносеологического вопроса», недооценка вклада В. И. Ленина в развитие марксистской гносеологии вообще.

В сознании материалистически мыслящих естествоиспытателей понятие «механистическое знание» было синонимом детерминистского, объективно-истинного знания, а понятие «механистическое объяснение» — синонимом каузально-аналитического объяснения. Понятие механической (или механистической) причины употреблялось в узком и широком смысле: в духе механики как специальной науки и в духе того целостного стихийно-материалистического миропонимания, которое распространялось и на область биологического и психологического (ассоциативная психология, рефлексология) знания и которое издавна называлось «механическим».¹ В широком смысле понятие «механическая причинность» выражало у естествоиспытателей материали-

¹ Понятие «механизм» в широком смысле означало просто мировоззрение, базирующееся исключительно на детерминизме и изгоняющее всякую телеологию (см.: Васильев С. Ф. Предисловие. — В кн.: Б о л ь ш а н Л. Очерки методологии физики. М., 1929, с. 25).

стическую трактовку причинности как объективной закономерности в отличие от идеалистического ее истолкования. Частое сопряжение естественными-механистами понятия причины с эпитетом «механическая», вообще говоря, не предполагает механицизма в понимании данной категории (но и не исключает его).

В связи с тем, что центральным звеном «механического» мировоззрения являлось понятие причинности как родовой категории всей системы научного знания вообще в его отличии от телеологии и религиозно-идеалистической философии, некоторые механисты (Л. И. Аксельрод, А. И. Варьяш и др.) в основу деления всех философов на два противостоящих лагеря клали механистически трактуемую проблему причинности, отодвигая на второй план категории материи и сознания. Аксельрод в «Философских очерках» утверждала, что «безусловное признание принципа механической причинности является душой материализма». ² Различие в понимании причинности А. И. Варьяш определил как «самое радикальное» различие между материализмом и идеализмом. Решение основного вопроса философии выводилось, таким образом, из решения проблемы причинности, а не наоборот, как это делал В. И. Ленин. ³

Механисты или вообще избегали философских определений материи и сознания, или заменяли их естественнонаучными, игнорируя ленинское указание о том, что диалектический материализм не связывает с определением философского понятия материи никаких естественнонаучных представлений. Они трактовали материю как электричество, электроны, протоны и т. д., т. е. подменяли всеобщее особенным, не умея диалектически подойти к материи как единству ее конкретных форм. В. Н. Сарабьянов рассуждал следующим образом. Поскольку в каждую данную эпоху существует конкретное представление о материи, с которым как раз и имеют дело физика, биология, технология и т. д., постольку всякие рассуждения о материи в философском смысле бессодержательны. Поэтому «мы — последовательные материалисты — не даем определения материи, ограничиваясь чисто субъективным, чисто практическим (Плеханов о материи — как о всем том, что, приходя в соприкосновение с нашими органами чувств, вызывает в нас ощущения) или очень общим (Ленин о материи как об объективно существе)». ⁴ «... В нашу же эпоху материя — это электроны...». ⁵

И. И. Степанов утверждал (в упоминавшейся уже статье «Основные итоги дискуссии»), что мы уже не можем последо-

² Аксельрод Л. И. Философские очерки. М.—Л., 1925, с. 76.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 163.

⁴ Сарабьянов В. Н. В защиту философии марксизма. М.—Л., 1929, с. 4

⁵ Там же, с. 145.

вать за Энгельсом, который, по словам автора, «с большими сомнениями» относился к стремлению естествознания отыскать единую материю как таковую, ибо «материя как таковая, это — чистое создание мысли и абстракция». ⁶ «В противоположность этому я писал, что в настоящее время естествознание... уже находит ее (единую материю. — В. К.)... Материя как таковая чувственно существует для нас как отрицательные электроны и положительные ядра». ⁷ Идентичные мысли высказывал А. К. Тимирязев, по мнению которого, современная теория материи «отождествила материю с электричеством». ⁸ Всецело прав был поэтому А. К. Столяров, остроумно заметивший, что механисты хотят электрон «просунуть» в гносеологическое определение материи.

Для диалектического материализма не существует никакой «первоматерии», никаких «первичных элементов», как это утверждает Степанов относительно электронов. Правда, надо оговориться, что в последней своей статье он под давлением длительной и мощной критики вынужден был признать, что, поскольку речь идет о защите позиций материализма в целом, различия в конкретных воззрениях на материю и ее строение не имеют значения, а электронно-нуклеарная теория дает лишь относительную истину. Не представляя четко гносеологической сути понятия материи как объективного источника познания, механисты не до конца уяснили и гносеологическую сущность сознания, связывая его опять-таки с электронами, подводя под него закон сохранения энергии т. п.

Недооценка ленинского вклада в развитие марксистской гносеологии конкретно выражалась также и в том, что механисты, не поняв основной закон диалектики — единства и борьбы противоположностей — как закон объективного мира, не поняли его и как «закон познания» (В. И. Ленин). Именно в этом непонимании — гносеологические корни философски ошибочной интерпретации принципа редукционизма (элементаризма) в духе механистической теории сведения качественного многообразия мира к чисто количественным различиям. Эта теория метафизически противопоставляла количественные определения качественным, непрерывность — прерывности и т. д. Конечные выводы, которые из нее следовали, таковы: за видимым качественно многообразным миром лежит истинный мир — количественный (И. И. Степанов), объективно существуют лишь качества, поддающиеся количественной обработке (Л. И. Аксельрод, В. Н. Сарабьянов). Первый вывод приводил к пифагореизму, что косвен-

⁶ Маркс К и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 570.

⁷ Скворцов-Степанов И. И. Диалектический материализм и деборинская школа. М.—Л., 1928, с. 39.

⁸ См.: Философия науки, ч. 1. Пг., 1924, с. 4, примечание А. К. Тимирязева.

ным образом вынужден был признать И. И. Степанов,⁹ второй — к учению Локка о первичных и вторичных качествах.

Теоретико-познавательные вопросы занимали особенно значительное место в работах Л. И. Аксельрод и В. Н. Сарабьянова. Остановимся на их гносеологических представлениях подробнее. Как мы уже показали, механистическая методология вплотную подводит к тому, что объективно существуют лишь качества, легко поддающиеся количественному математическому выражению, т. е. те качества, которые получили в истории философии название первичных (протяженность, плотность, форма, движение и т. д.) в отличие от так называемых вторичных (звук, запах, цвет, вкус и т. д.), якобы целиком субъективных. Поэтому нас не может удивить утверждение Сарабьянова, что «это основу марксистской гносеологии положено учение Локка о „первичных“ и „вторичных“ качествах вещей».¹⁰ При этом он ссылается на мнение Аксельрод, которая полагала, что «учение Локка об объективных и субъективных свойствах, являющееся по существу своему материалистическим, составляет основу современной науки... Объективные, или, как их называет Локк, первичные... свойства относятся к внешнему миру. Субъективные, или вторичные, свойства имеют своим источником физиологические особенности восприятия».¹¹ По словам Сарабьянова, первичные качества присущи самим вещам, тогда как вторичные мнимы, вещам не присущи. «Мир вещей сам по себе бесцветен, бескрасочен, как и беззвучен».¹² Следовательно, ощущения цвета, звука и т. п. не имеют никакого сходства с объективным миром, вызывающим их.

Защита механистами локковской концепции первичных и вторичных качеств прямо приводила их к «теории иероглифов», т. е. к отрицанию диалектико-материалистического принципа отражения, существенным моментом которого является признание сходства между ощущением и отражаемым предметом в том смысле, что в наших ощущениях наличествует определенное объективное содержание. В. И. Ленин писал, что человеку, когда он видит красное, осязает твердое и т. д., дана объективная реальность.¹³ Источник этих ощущений — все тот же внешний мир во всем богатстве его качественного многообразия. Опираясь на идеи В. И. Ленина, А. К. Столяров критиковал метафизическое противопоставление механистами первичных и вторичных качеств: «Конечно, ощущение тепла, света, звука и т. д. есть ощущение. Точно так же представление пространства есть

⁹ Скворцов-Степанов И. И. Диалектический материализм и деборинская школа, с. 141.

¹⁰ Сарабьянов В. Н. В защиту философии марксизма, с. 30.

¹¹ Аксельрод Л. И. Философские очерки, с. 22.

¹² Сарабьянов В. Н. В защиту философии марксизма, с. 33.

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 131.

представление. Но в обоих случаях содержание сознания есть лишь „оттиск“, в коем мир запечатлел свои объективные „определения“.¹⁴

Правда, справедливость требует отметить, что выступления Сарабьянова по вопросу о вторичных качествах были направлены прежде всего против метафизического уподобления ощущений свойствам внешних объектов, против поисков неких чувственных сущностей вроде «цвета в себе», «запаха в себе» и т. д. Таких сущностей, конечно, нет, и поиски их безуспешны. Как указывал В. И. Ленин, с точки зрения естествознания, во-первых, «цвет зависит от действия этих (световых. — В. К.) волн на сетчатку», «цвет есть результат воздействия физического объекта на сетчатку», во-вторых, «цвет является ощущением лишь в зависимости от сетчатки».¹⁵ Следовательно, здесь надо учитывать сложную диалектику взаимодействия объекта и субъекта, результатом которой и является ощущение как «субъективный образ объективного мира» (В. И. Ленин). С точки же зрения Аксельрод и следовавшего по ее стопам Сарабьянова, цвет, вкус, звук, запах и т. д. — исключительно субъективные явления. В противоположность ленинскому решению вопроса механисты, делая крен в сторону субъективизма, метафизически противопоставляют объективное субъективному и не могут понять того факта, что всякое ощущение суть диалектическое единство субъективных и объективных моментов при решающей, по содержанию и источнику, роли объективных.

У механистов явно проскальзывает тенденция толковать отражение внешнего мира в сознании только как их причинную связь. Как мы уже показали, основной гносеологический вопрос — об источнике наших знаний — заслоняется у них вопросом о том или ином понимании причинности. Отношение материи и сознания сводится к отношению причинения. Как утверждала Аксельрод, К. Маркс и Ф. Энгельс, характеризуя процесс познания, имели-де в виду, собственно, не отражение объективного мира в нашем сознании, а лишь зависимость содержания сознания от реального бытия и употребляли слово «отражение» не в прямом, а в переносном смысле.¹⁶ Такая интерпретация взглядов классиков марксизма на отражение связана у Аксельрод с «иероглифической», знаковой трактовкой ощущений: «Наши ощущения — знаки, которые создаются действием внешних реальных вещей».¹⁷ Например, «представляемое дерево служит знаком, по которому мы узнаем действительное дерево».¹⁸ Не

¹⁴ Столяров А. К. Субъективизм механистов и проблема качества. М.—Л., 1929, с. 74.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 55, 52, 50.

¹⁶ Аксельрод Л. И. Философские очерки, с. 163—164.

¹⁷ Там же, с. 125.

¹⁸ Аксельрод Л. И. Против идеализма. М.—Л., 1922, с. 196.

теория отражения, а теория символов связана, по мнению Аксельрод, с материалистическим объяснением природы.

А. И. Варьяш также пытался дать свою интерпретацию принципа отражения. Для него вопрос о том, похожи ли наши восприятия и представления на их внешние причины, есть частный случай более общего вопроса: похоже ли вообще следствие на его причину? «Мышление похоже на отражаемое им внешнее явление в том смысле, что оно является следствием взаимодействия внешнего мира и нашего тела». ¹⁹ Конечно, принцип отражения представляет линию детерминизма в гносеологии. В. И. Ленин сходство ощущений и восприятий с отражаемым предметом мыслил в контексте причинной обусловленности психики объективной действительностью. Но он не подменял вопрос о сходстве вопросом о причинной связи, поскольку гносеологическое отношение материи и сознания не исчерпывается отношением причинения.

Чтобы подчеркнуть момент сходства образа с объектом, В. И. Ленин наряду с глаголом «отражать» употреблял в качестве синонима такие метафорически звучащие выражения, как «изображать», «копировать», «фотографировать», «рисовать» и т. д. Противопоставив принципу сходства принцип соответствия и ссылаясь на высказывания Г. В. Плеханова об «иероглифах», механисты утверждали, что, как пишет Сарабьянов, познание не есть «срисовывание, снятие копии, фотографирование», ²⁰ а представляет собою процесс «нахождения соответствия между объективными явлениями и субъективными», ²¹ ибо образ вещи не похож на вещь, а лишь соответствует ей. Как видно, и Сарабьянов не может правильно понять ленинскую мысль о сходстве образа с объектом. Конечно, это сходство вовсе не означает, что образ является каким-то «фотомеханическим» отпечатком объекта. Оно означает, что в содержании субъективного образа всегда есть и должны быть такие стороны, моменты, которые «идут» от самого объекта. Без этого образ превращается в символ, «иероглиф».

У В. И. Ленина сходство образа и объекта мыслится в контексте принципиальной познаваемости объективного мира, объективной истинности нашего знания. Далее, познание — не моментальный фотографический акт, а диалектически противоречивый исторический процесс, предполагающий активность познающего субъекта. Именно поэтому сходство образа с объектом надо понимать не как полное, зеркальное совпадение, а как относительное на каждой исторически данной ступени познания, как схождение в тенденции.

¹⁹ Варьяш А. И. Диалектика у В. И. Ленина. М.—Л., 1928, с. 37.

²⁰ Сарабьянов В. Н. Беседы о марксизме. М., 1925, с. 24.

²¹ Сарабьянов В. Н. Как иные товарищи творят ревизионизм — «Под знаменем марксизма», 1926, № 6, с. 64.

В книге «В защиту философии марксизма», изданной в 1929 г., Сарабьянов под воздействием критики отходит от своих прежних позиций и склонен признать принцип отражения (для вторичных качеств) наряду с принципом соответствия (для вторичных качеств), уточнив свой «иероглифизм» как теорию однозначного соответствия на основе причинной связи. К 1933 г. он приходит к полному признанию ленинского принципа отражения и отмечает, что «иероглифизм» ведет к субъективизму и агностицизму.²² Правда, в том же году Сарабьянов писал, что «плекхановскую теорию познания часто обозначают словами „теория соответствия“... Термин „соответствие“ (сознания — предмету) употребляли все крупные марксисты... В частности, В. И. Ленин пользовался им весьма охотно».²³ Это верно, но у В. И. Ленина соответствие понимается как содержательное отношение между предметом и ощущением, отражающим его и, следовательно, похожим на него.

К этому следует добавить, что с точки зрения современной науки признак взаимно-однозначного соответствия между воздействиями вещей и чувственными показаниями является наиболее общим и существенным элементом сходства. «... Детерминированное гомоморфное или изоморфное соответствие, — пишет Л. О. Резников, — является первым и важнейшим элементом процесса отражения. Уже в нем содержится признак структурного сходства в некоторых отношениях».²⁴ Но тут же Л. О. Резников указывает, что сведение процесса познания к одному лишь установлению гомоморфного (изоморфного) соответствия системы знаков системе объектов может привести к агностицизму, поскольку с точки зрения знаковой теории восприятия все наше познание условно и произвольно. Поэтому автор неоднократно подчеркивает, что гомоморфное (изоморфное) соответствие является необходимым, но недостаточным условием отражения, что сходство с отражаемым предметом является необходимым и существенным признаком образа.

Аналитически выделенные моменты гносеологического отношения материи и сознания (причинная связь, соответствие и сходство) внутренне взаимосвязаны и синтезированы у В. И. Ленина в понятии образа, и все они необходимы для последовательного проведения тезиса о познаваемости объективного мира. В отличие от символа, иероглифа образ необходимо предполагает как объективную реальность того, что отражается, так и сходство с отражаемым. В рецензии на книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» Л. И. Аксельрод обнару-

²² Сарабьянов В. Н. Выступление на научной сессии Института философии — «Под знаменем марксизма», 1933, № 3, с. 74, 82.

²³ Сарабьянов В. Н. Философское учение Маркса. Хрестоматия по Г В Плеханову. М.—Л, 1933, с. 311.

²⁴ Резников Л. О. Гносеологические вопросы семиотики Л., 1964, с. 80.

жила непонимание именно этой теснейшей связи двух сторон одного вопроса (основного вопроса философии) — признания материальности внешнего мира и его отражения в сознании, — когда утверждала, что «теория иероглифов» несколько не подвергает сомнению объективное существование внешнего мира. А В. И. Ленин отмечал, что «иероглифическая» трактовка ощущений есть шаг к субъективному идеализму, т. е. к отрицанию объективности источника наших ощущений, к отрицанию объективной истинности нашего познания.

В. И. Ленин говорил об убеждении «наивных реалистов» (т. е. всего человечества) в том, что наши ощущения суть образы объективно реального внешнего мира»,²⁵ т. е. показал, что наивный реализм — это стихийный, бессознательный материализм. Аксельрод, отождествляя наивный реализм с эмпириокритицизмом, сводившим вещи к комплексам ощущений, противопоставляла ему теорию символов, связанную якобы с материализмом «самым тесным и неразрывным образом». «Материализм же стоит на той точке зрения, что ощущения, вызванные действием различных форм движения материи, не похожи на объективные процессы, порождающие их».²⁶ В. И. Ленин, защищая принцип отражения, становится де «на дуалистическую почву», ибо «вещи... в таком случае действительно оказались бы вещами в себе в абсолютном смысле этого слова».²⁷

Как видим, Аксельрод вслед за русскими махистами пытается обвинить В. И. Ленина в «удвоении» мира. Она рассуждает следующим образом. «Теория символов, утверждая существование и субъекта и объекта, объединяет оба фактора, рассматривая субъект как своеобразный объект, а его ощущения — как продукт взаимодействия между двумя объектами, один из которых есть в то же время и субъект. На этой именно объективной и монистической точке зрения и стоит современная наука».²⁸ Как продукт взаимодействия двух факторов — объекта и субъекта — ощущение не может быть образом объекта. Коль скоро теория отражения признает один-единственный источник наших ощущений, она разрывает единство субъекта и объекта и, следовательно, дуалистична. Она удваивает вещи тезисом о копировании их в образах и делает их тем самым ненужными. Аксельрод пыталась приписать В. И. Ленину одновременно два противоположных «греха», обвиняя его и в кантианском дуализме, и в махистском монизме, отождествляющем вещи с ощущениями.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 372.

²⁶ Ортодокс (Л. И. Аксельрод). [Рец. на кн.:] Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — В кн.: Ленин В. И. Собр. соч., 3-е изд. Т XIII. М.—Л., 1928, с. 331.

²⁷ Там же, с. 330.

²⁸ Там же.

Констатируя факт двойной зависимости ощущений — от объекта и от субъекта, — Аксельрод не видит, что это зависимости различного рода и далеко не равноправные. Определяющая роль здесь исторически и логически принадлежит объективному миру. Теория отражения именно в силу того, что она настаивает на этом, есть реализация линии материалистического монизма в области гносеологии.

С точки зрения Аксельрод, единство субъекта и объекта возможно лишь в представлении. А диалектический материализм утверждает противоречивое единство и взаимодействие субъекта и объекта в рамках и на основе материальной общественно-исторической практики.²⁹

Ту же линию отрицания принципа отражения Аксельрод проводила и в книге «В защиту диалектического материализма», но уже по отношению не только к ощущениям, но и к общим понятиям. Она утверждала, что определение, согласно которому общие понятия представляют собой не что иное, как отражение того существенно общего, что есть в самих вещах, является идеалистическим и схоластическим.

Отрицание объективной значимости общих понятий необходимо ведет к эмпиризму. Аксельрод, принижая роль теоретического мышления, напирал именно на эмпирию: «Диалектический материализм от начала до конца эмпиричен...».³⁰

Остановился еще на характеристике взглядов В. Н. Сарабьянова по вопросу об истине. Субъективистски истолковывая первый тезис К. Маркса о Л. Фейербахе, он пытается противопоставить практическую активность субъекта объективности познания, а объективность — всесторонности рассмотрения предмета. «Не есть ли бессубъективное (т. е. объективное. — В. К.) изучение бесполезное созерцание, потому бесполезное, что это созерцание не имеет практической цели? Что значит объективно... изучать вещь? Это значит изучать ее во всех связях... Но это совершенно невыполнимое дело».³¹

²⁹ Позднее, уже в 30-е годы, Аксельрод следующим образом сформулировала доводы, которыми она руководствовалась, отрицая ленинскую теорию отражения: «...придирался к слову «копия» (...как в зеркале)... Если все копия, тогда истина готова и абсолютна, а откуда заблуждение? Тогда наше познание было бы созерцательным и пассивным, а не действенным, активным. Поэтому наши представления — отражения внешнего мира, но не копия» (Аксельрод Л. И. О борьбе Ленина с философским ревизионизмом и вопросы теории отражения — «Под знаменем марксизма», 1934, № 4, с. 141). В этой статье она уже приближается к адекватной интерпретации марксистско-ленинской теории отражения, отвергая «иероглифизм»: «Нелепо сказать об иероглифе... в отношении познания. Теория символов означает для позитивистов непознаваемость мира» (там же, с. 142). Аксельрод, по ее словам, всегда ратовала за тезис Маркса: идеальное есть переведенное и переработанное в нашей голове материальное.

³⁰ Аксельрод Л. И. В защиту диалектического материализма. М.—Л., 1928, с. 238.

³¹ Сарабьянов В. Н. Беседы о марксизме. М., 1925, с. 36.

В. И. Ленин, как известно, ставил рядом требования объективности и всесторонности рассмотрения, не противопоставляя, а связывая одно с другим. Далее, для В. И. Ленина критерий практики и объективности истины также взаимосвязаны: апелляция к практике имеет смысл только тогда, когда признается объективность истины в материалистическом смысле.

Мы уже отмечали, что отрицание механистами принципа отражения необходимо ведет их к отрицанию объективной истинности знания. И действительно, Сарабьянов утверждает, что никакой объективной истины вообще нет, ибо человеческое знание субъективно по своей природе. То, что называют объективной истиной, в его интерпретации просто-напросто сама действительность. Он приводит такой пример: «отражение» яблока в наших глазах, «соответствующее (не похожее) яблоку пространственному», есть истина субъективная, а «яблоко, объективно существующее, есть объективная истина». ³² Наш механист «уничтожает» объективную истину тем, что устраняет из ее определения гносеологическое отношение.

Далее Сарабьянов рассуждает так. Сознание всегда определяется бытием. Разве может материалист утверждать, что имеются представления, не соответствующие объективному положению вещей? Отражение в сознании всегда истинно, все дело лишь в различной степени истинности. Как видим, стирание противоположности субъективного и объективного в познании ведет и к уничтожению противоположности истинного и ложного.

Представление бога, по Сарабьянову, соответствует объективным процессам. А это уже явный переход на позиции А. А. Богданова по вопросу об истине. С точки зрения Сарабьянова, все истинно, все необходимо разумно, все правы — «и буржуазия права и пролетариат прав», — и между этими правдами можно выбирать по субъективному произволу, «несколько не расходясь с самой действительностью». Но Сарабьянов расходится здесь с материализмом, который включает в себя партийность, т. е. обязывает при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы.

Подводя итоги, следует сказать, что в целом механисты стояли на позициях той стихийно-материалистической теории

³² Сарабьянов В. Н. О некоторых спорных проблемах диалектики. — «Под знаменем марксизма», 1925, № 12, с. 191. — Этому мнению В. Н. Сарабьянов придерживался вплоть до 1930 г.: «Ленин под объективной истиной понимает самый объект, самый процесс, нами познаваемый... Отражение этих объективных процессов есть субъективная истина, понимая под ней идеологическую форму... Ленин и Плеханов, поскольку они рассматривают истину как идеологическую форму, считают ее только субъективной» (Сарабьянов В. Н. Письмо в редакцию. — «Антирелигиозник», 1930, № 7, с. 84—85). Но подобный взгляд на истину присущ не Ленину и Плеханову, а их философскому противнику — Богданову.

познания, которой, по выражению В. И. Ленина, держится громадное большинство естествоиспытателей. Но, как было показано, стихийно-материалистическая точка зрения не исключает отступлений в сторону субъективизма и агностицизма, поскольку к ним неизбежно приводит механистическая методология. Неумение применить диалектику к теории познания приводило механистов к ряду метафизических и субъективистских ошибок в решении таких важнейших вопросов гносеологии, как вопрос об истине и ее критерии, о единстве эмпирического и рационального моментов в познании, о соотношении объективных и субъективных элементов в отражении, о сочетании количественного и качественного подходов в научном познании и т. д. Механисты прошли мимо основополагающего вывода В. И. Ленина о том, что диалектика и есть теория познания марксизма. Это явилось конкретным выражением недооценки ими роли В. И. Ленина в развитии марксистской гносеологии.

Под влиянием критики³³, в особенности после известного постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» от 25 января 1931 г., В. Н. Сарабьянов, как и Л. И. Аксельрод, проявил искреннее стремление преодолеть свои ошибки в вопросах теории познания, что ему в основном и удалось сделать в 1933—1934 гг.³⁴

§ 2. Извращение механистами материалистической диалектики

Мы уже отмечали, что философские воззрения механистов эклектичны и пестры, как неоднородна и пестра сама группа механистов с характерным для нее своеобразием точки зрения каждого философа. Тем не менее можно выделить некоторые общие черты, характеризующие отступления механистов от марксистско-ленинской философии. Эти отступления связаны, как уже говорилось, прежде всего с непониманием ядра диалектики — закона единства и борьбы противоположностей. В силу несомненного влияния на некоторых механистов А. А. Богданова представляется необходимым дать развернутую характеристику его решения проблемы противоречия.

Цитируя одно из высказываний Ф. Энгельса о противоречии, автор «Философии живого опыта» опускает как раз ту часть текста, которая явно направлена против него самого. В этой части говорится, что, пока мы рассматриваем вещи одну рядом

³³ Нельзя не выделить в этом плане работ А. К. Столярова «Диалектический материализм и механисты» и «Субъективизм механистов и проблема качества», неоднократно переиздававшихся в конце 20-х — начале 30-х годов.

³⁴ См.: Сарабьянов В. Н. 1) Выступление на научной сессии Института философии. — «Под знаменем марксизма», 1933, № 3, с. 74—82. 2) Диалектический и исторический материализм. (Очерки). М.—Л., 1934, с. 35—40.

с другой и вслед за другой, мы не наталкиваемся на противоречия в них. «Мы находим здесь определенные свойства, которые частью общи, частью различны или даже противоречат друг другу, но в этом последнем случае они распределены между различными вещами и, следовательно, не содержат в себе никакого противоречия. В пределах такого рода рассмотрения вещей мы и обходимся обычным, метафизическим способом мышления».³⁵ Критикуя Е. Дюринга, Ф. Энгельс показал, что точка зрения равновесия необходимо связана с признанием внешнего толчка как «моста от статического к динамическому». Эти замечания применимы и к Богданову. Снимая по существу проблему внутреннего противоречия как источника самодвижения и развития, он переносил этот источник вовне, в окружающую среду.

Автор «Философии живого опыта» отвергает данную Ф. Энгельсом трактовку проблемы противоречия и приближается к позиции позитивиста и метафизика Е. Дюринга, который подменял диалектическое противоречие антагонизмом сил, действующих друг против друга в противоположных направлениях, и считал, что противоречие может относиться только к комбинации мыслей, но никак не к действительности. Богданов также определяет противоречие как столкновение противоположно направленных сил, а борьбу этих сил сводит к процессу их уравнивания. С точки зрения теории равновесия толкуются в «Философии живого опыта» законы взаимного перехода количественных и качественных изменений и отрицания отрицания, квалифицируемые Богдановым как «формальные схемы», произвольно избираемые познающим субъектом.

Метафизически трактуется противоречие и в «Тектологии». В ней говорится, что разгадка «прежней диалектической схемы» лежит в самом понятии антитезы, противоположности. Вода «противоположна» льду, растение — семени, из которого оно развилось, и т. п. Но ведь вода и лед сохраняют огромное множество общих свойств — физических, химических и иных. Этих общих свойств гораздо больше, чем различий. Где же тут «противоположность»? «Всякое различие становится противоположностью для нас, когда оно одно закрепляется в поле мышления, «отвлечшегося» от общих признаков (курсив наш. — В. К.)».³⁶ С этой субъективистской и метафизической позиции действительно трудно понять, что такое диалектическая противоположность. Автор «Тектологии» в данном случае стоит на точке зрения здравого смысла, которому никак не удастся совместить различие и единство (общность) свойств вещи в одном ее определении.

³⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 123.

³⁶ Богданов А. А. Всеобщая организационная наука, ч. III. Л.—М., 1929, с. 86.

Каков же «механизм устранения противоречий», этого «дезорганизирующего» момента? «...Первичный момент, порождающий изменения, возникновение, разрушение, развитие организационных форм, или *основа формирующего тектологического механизма*, есть соединение комплексов... — *конъюгация*».³⁷ Конъюгация и обеспечивает устранение противоречий. Это понятие относится ко всякому соединению комплексов — независимо от «мирного или иного его характера». Следовательно, специфика разрешения различных противоречий не имеет значения.

Вместо диалектического единства и борьбы противоположностей «организационная диалектика» предлагает простое их слияние, механическое сложение в «конъюгационной сумме», в которой противоположности взаимно парализуются. Богданов рассматривал материалистическую диалектику (наравне с универсальными эволюционными схемами Г. Спенсера) как «один из зародышей» тектологии, а К. Маркса — как «великого предшественника» организационной науки. Но К. Маркс, как известно, высмеял «абсолютный метод» Прудона, у которого противоположности взаимно уравниваются, нейтрализуются и парализуются. Идею самодвижения Богданов отверг в принципе. Говоря словами Гегеля («Науку логики» которого он называл «бесполезной тарабарщиной»), противоречие у него устраняется из вещей, «вытесняется в субъективную рефлексию... признается случайностью, как бы ненормальностью и переходящим пароксизмом».³⁸ Активное, творческое начало — конъюгация.

Предпосылкой богдановской схемы подвижного равновесия является тезис о «начальной разности комплексов». Возможность «имманентного происхождения различий» отрицается, сам этот вопрос относится к числу «трансцендентно-философских, т. е. метафизических».

В главе 2-й мы говорили о влиянии А. А. Богданова на Н. И. Бухарина как автора «Теории исторического материализма». Продолжим анализ этого вопроса.

В теории равновесия Бухарин видел «теоретически-систематическое обоснование» диалектического метода и ставил своей целью переложить «мистический» язык гегелевской диалектики на язык современной механики. В отличие от В. И. Ленина, указывавшего, что сущность диалектики не в триадах, он неправомерно связывал ее именно с гегелевской «триединой формулой», которой якобы соответствуют нарушение и восстановление равновесия. Подобное толкование триады воспроизводит богдановскую ее трактовку.³⁹

³⁷ Богданов А. А. Всеобщая организационная наука, ч. I. Л.—М., 1925, с. 121.

³⁸ Гегель. Наука логики. Т. 2. М., 1971, с. 65.

³⁹ См.: Богданов А. А. Философия живого опыта. М.—Пг., 1923, с. 252.

Материалистическая диалектика погребена в «Теории исторического материализма» под механистическими схемами теории равновесия как «более общей формулировке законов движущихся материальных систем». Потому более общей, что теория равновесия наряду с эволюцией позволяет также «видеть случаи разрушения материальных форм». Аргументация здесь весьма напоминает богдановскую, стоит только вспомнить его схему подвижного равновесия. «Эта схема шире и глубже (диалектической. — В. К.); она охватывает и прогрессивное развитие комплексов, и их относительный упадок».⁴⁰

На первый взгляд различие между диалектикой и теорией равновесия кажется несущественным: и та и другая исходят из единства равновесия и движения, устойчивости и изменчивости. Но диалектика считает ведущей и определяющей стороной в этом единстве момент движения, изменения, а теория равновесия — момент равновесия, устойчивости. В силу этого в теории равновесия акцент делается на сохранении данного состояния системы, ее функционировании на заданном уровне организации, в диалектике же — на изменении данного состояния и возникновении нового. Различно и представление о роли противоречия в процессах изменения. В теории равновесия противоречие есть дезорганизующий фактор, сопряженный с растратой энергии, нечто ненормальное, вредное (дисфункциональное), и только. Роль противоречия как внутреннего импульса к развитию бытия и мышления остается в тени, приглушается или вовсе отвергается. По этой причине сторонники теории равновесия подвергают сомнению или прямо отрицают диалектическую концепцию самодвижения, саморазвития материи.

Совершенно очевидно, что теория равновесия — метафизическая концепция. Однако это не значит, что и сами состояния равновесия следует зачислять в рубрику неких «метафизических состояний», как это фактически получалось у некоторых критиков тектологии в 20-е годы. Равновесие, устойчивость есть необходимый и неотъемлемый момент любого проявления движущейся материи. «Возможность относительного покоя тел, возможность временных состояний равновесия является существенным условием дифференциации материи...».⁴¹ В самом деле, если всякое возникновение нового есть результат изменения и развития, то относительный покой, равновесие фиксирует этот результат.

Можно согласиться с замечанием Ф. Ф. Вяккерера о том, что в тектологии Богданова надо видеть попытку выявить механизмы не только равновесия систем, но и устойчивости в более широ-

⁴⁰ Богданов А. А. Очерки всеобщей организационной науки. Самара, 1921, с. 84.

⁴¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 561.

ком смысле — как существенно всеобщей стороны развития.⁴² Конечно, механизмы равновесия, устойчивости систем, анализируемые автором «Тектологии», могут быть адекватно познаны лишь с позиций отвергаемой Богдановым материалистической диалектики, глубоко и всесторонне раскрывающей место и значение устойчивости в процессе развития. Попытки же Бухарина подменить теорией равновесия диалектику как науку о всеобщих законах движения и развития природы, общества и мышления несостоятельны и должны быть отвергнуты полностью.

Непонимание сущности и роли закона единства и борьбы противоположностей как ядра диалектики с теми или иными вариациями свойственно и другим механистам. Так, А. И. Варьяш внутреннее единство противоположностей сводит к «взаимодействию качественно разных систем», а источник развития видит во взаимодействии системы и среды, т. е. вне самой системы. Сводя противоречие к взаимодействию вообще и апеллируя к механике Ньютона, он пишет, что «реальное противоречие есть, говоря точнее, противодействие. Каждое действие есть в то же время и противодействие, потому что вообще нет действия без противодействия, и обратно».⁴³ Результат противодействия не бывает нулем, ибо «противодействующие силы не уничтожают друг друга в метафизическом смысле этого слова, а только тормозят действие друг друга»,⁴⁴ парализуют одна другую. Подобное мы уже видели у Богданова.

В. Н. Сарабьянов считал основным законом диалектики закон перехода количественных изменений в качественные. С его точки зрения, закон единства и борьбы противоположностей отражает только тот факт, что процесс развития приводит к появлению новых свойств, которых не было на предыдущих ступенях. Если процесс рассмотреть именно со стороны тех свойств, которые отпали и возникли, то перед нами будут «доподлинные противоположности, расположенные во времени». Если же его рассмотреть «с разных сторон и в разных отношениях, то этот процесс окажется слиянием противоположностей».⁴⁵ Но, как уже говорилось, любой метафизик признает противоречия «в разных отношениях». В. Н. Сарабьянов именно так и формулирует закон единства противоположностей: «Всякое явление оказывается и таким и иным, будучи взято в разных отношениях, в различных связях».⁴⁶

⁴² См.: В яккерев Ф. Ф. Проблема самодвижения в материалистической диалектике. Л., 1972, с. 70.

⁴³ Варьяш А. И. Об общих законах диалектики в книге Энгельса «Диалектика природы». — В кн.: Диалектика в природе. Сб. 3. Вологда, 1928, с. 107.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Сарабьянов В. Н. В защиту философии марксизма, с. 183.

⁴⁶ Там же.

Лишается своей специфики и выступает лишь простым дополнением закона перехода количественных изменений в качественные и закон отрицания отрицания. Он лишь «констатирует», что, «сколько бы процесс ни существовал и ни развивался, он обязательно развивается путем не только количественных изменений свойств, но и отпадением, как и возникновением последних». ⁴⁷ Таким образом, от внутреннего единства противоположностей и их диалектического синтеза, в котором преодолеваются односторонности предшествующего развития, мало что остается. Сам же процесс изменения предмета объясняется не движением его внутренних противоречий, а борьбой различных, противоположно направленных сил и количественным преобладанием одной из них.

Как и вообще метафизики, механисты не могут «удержать» в процессе познания сразу обе противоположности. У них противоположности оказываются без внутреннего единства, а единство — без противоположностей. Они не поняли «парных» категорий — единство и многообразие, равновесие и движение, количество и качество, сущность и явление, необходимость и случайность, необходимость и свобода и т. д. — как единство, взаимопроникновение противоположностей. Механисты отрывают одну из этих категорий от другой, первую метафизически абсолютизируют и считают имеющей объективное содержание сущностью, а вторую чаще всего объявляют несущественной, субъективной и т. д. Поэтому принцип материального единства мира приобрел у них метафизическую форму, связан с попытками найти «первооснову» материи в виде каких-то «первичных» элементов, т. е. единство объективного мира отрывалось от его качественного многообразия. Механисты не поняли единства необходимости и случайности на основе принципа детерминизма, единства необходимости и свободы на основе общественно-исторической деятельности человека, что толкало их к выводам фаталистического характера (утверждение Бухарина о «затухании» классовой борьбы, о «самотеке» в развитии деревни и т. д.).

В свою очередь критики механистов, проводя мысль о единстве диалектики и теории познания, по существу прошли мимо основополагающей идеи В. И. Ленина о триединстве диалектики, теории познания и логики, хотя именно данная идея и могла послужить базой для наиболее глубокой и всесторонней критики механицизма как метода и стиля мышления. Критикуя Бухарина, Сарабьянова, Варьяша, «диалектики» мало говорили о том, что в их работах превалирует не диалектический, а формально-логический тип мышления с его законами тождества, противоречия и т. д. По существу лишь А. К. Столяров, критикуя В. Н. Сарабьянова, обратил внимание на то, что механистиче-

⁴⁷ Там же. с. 183.

ское мышление в переводе на язык логики — это формально-логическое мышление. Оно знает тождество, которое есть только тождество, или различие, которое есть только различие. Единство же различия и тождества с этой точки зрения понять невозможно.⁴⁸ Именно формально-логический характер мышления приводил Бухарина, Сарабьянова, Варьяша и др. к метафизическому либо эклектическому решению ряда конкретных вопросов (отсюда, конечно, не следует, что сама по себе формальная логика тождественна метафизике). Широкое обсуждение проблемы единства диалектики, логики и теории познания началось в 1930 г. после публикации «Философских тетрадей» В. И. Ленина.

Исходя из верной идеи о том, что естествознание в ходе своего развития само по себе становится диалектическим, механисты стремились показать, что методы современного естествознания в своей основе уже являются диалектическими. Они ограничивали свою задачу иллюстративным подтверждением истинности диалектики отдельными естественнонаучными примерами, оставляя в стороне вопрос об эвристической роли диалектики в научном исследовании. Конечно, научно-философское познание существует только на основе и в единстве с частнонаучным, но отнюдь не тождественно ему.

Основой собственной системы диалектико-материалистической философии может быть только вся целостная совокупность конкретнаучного знания эпохи. К подобному выводу вплотную подвели результаты дискуссии механистов и «диалектиков». Отрадно отметить, что вывод этот был четко сформулирован как итог всей дискуссии. «Система диалектики нашего времени может возникнуть лишь как вскрытая сущность всего нашего знания, т. е. энциклопедическое знание является предпосылкой ее создания».⁴⁹ Философия опирается на общие результаты частных наук, но не сводится к некой сокращенной сводке этих результатов, поскольку она — специфическая форма научного познания и ее метод качественно отличен от методов специальных наук.

Ошибочность попыток выдать за общую методологию какой-либо частнонаучный метод или принцип, например термодинамический принцип Ле-Шателье (А. А. Богданов) или физико-химический метод в биологии (И. И. Степанов), в том, что игнорируется диалектический переход от специфичности частнонаучного к всеобщности философского знания. Это не просто индуктивный переход, не просто изменение степени общности, а скачок в новое качество знания. Постановку проблемы субординации

⁴⁸ См.: Столяров А. К. Философия «качества» и качество философии некоторых механистов. — «Под знаменем марксизма», 1926, № 7—8, с. 41.

⁴⁹ Гонимкман С. Предмет диалектики. — В кн.: Проблемы марксизма. Сб 2 Л., 1930, с. 22.

диалектического и частнонаучных методов познания можно считать одним из важнейших итогов дискуссии с механистами. В ходе дискуссии выявились также как весьма актуальные проблема многокачественности явлений и вопрос о соотношении таких предельно широких форм систематизации и обобщения научных знаний, как диалектико-материалистическая философия, научная картина мира и марксистско-ленинское мировоззрение. Таковы в целом некоторые наиболее важные итоги дискуссии с механистами по вопросам материалистической диалектики.

В заключение необходимо также отметить, что не все механисты отрицали диалектику (в общем плане ее отрицание было лишь одним из этапов последующей эволюции механистов к диалектическому материализму) и подменяли ее теорией равновесия. В принципе лишь Бухарин под влиянием Богданова пытался дать формулировку диалектического метода исходя из теории равновесия. Остальные же механисты лишь допускали ошибки в духе теории равновесия, а Л. И. Аксельрод, например, всегда ее критиковала. В конце 20-х — начале 30-х годов механисты проявили искреннее стремление пересмотреть свои ошибочные взгляды. В теоретическом плане решающую роль здесь сыграло обсуждение «Философских тетрадей» В. И. Ленина.

Глава 4

В. И. ЛЕНИН И РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ «ГЕГЕЛЬ И ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ»

В «Диалектике природы» Ф. Энгельс отмечал, что формирование «сознательно-диалектического естествознания» возможно различным образом. Оно может проложить себе путь стихийно, благодаря напору самих естественнонаучных открытий. Но этот процесс может быть сильно сокращен, если представители теоретического естествознания поближе познакомятся с диалектической философией, в особенности гегелевской. В ходе дискуссии механисты акцентировали первую возможность, «диалектики» — вторую.

От философии Гегеля естествоиспытателей отпугивали ее исходная идеалистическая посылка и спекулятивный характер, в силу чего диалектический метод непосредственно «в его гегелевской форме был негоден» (Ф. Энгельс). Поэтому фактическая диалектизация естествознания шла стихийно. То был сложный и противоречивый процесс, изобиловавший различного рода трудностями и издержками. Ф. Энгельс отмечал этот момент в отношении биологии, В. И. Ленин — в отношении физики.

Отрицательное отношение к натурфилософским системам прошлого толкало естествоиспытателей и некоторых философов-механистов к выводу о том, что философии вообще противопоставлен момент (признак) системности — в любой трактовке этого понятия. «Мои критики передержались на Гегеле. Они просматривали, что развитие (философии. — В. К.) шло от Гегеля к Энгельсу, который философскую систему превратил в диалектико-материалистический метод». ¹ Поэтому в начальный период дискуссии механисты замалчивали высказывания классиков марксизма-ленинизма о роли гегелевской диалектики как одного из теоретических источников марксизма, о возможности и важности ее материалистической интерпретации, квалифицируя позицию деборинцев, страдавшую ошибками натурфилософского и иного порядка, как «бесплодную схоластику», «гегельянскую ревизию марксизма» и т. п. В этом плане большое влияние на характер и

¹ Скворцов-Степанов И. И. Вступительное слово. — В кн.: Механистическое естествознание и диалектический материализм. Вологда, 1925 с. 17.

ход дискуссии оказала публикация в 1925 г. «Диалектики природы» Ф. Энгельса и извлечений из «Философских тетрадей» В. И. Ленина — конспекта первой книги «Науки логики» Гегеля и фрагмента «К вопросу о диалектике». Широкое обсуждение указанных работ привело к изживанию нигилистического отношения механистов к историко-философскому изучению диалектики. Однако их заявления о необходимости взять из гегелевской диалектики все ценное были декларативными: сколько-нибудь подробной разработкой данного вопроса они не занимались. Следует, правда, отметить, что в 1927 г. Тимирязевский институт под названием «Введение в философию» издал «Философскую пропедевтику» Гегеля в переводе С. Ф. Васильева и с его же обширными примечаниями и предисловием.

Механисты в принципе правильно предупреждали, что одностороннее увлечение философией Гегеля в отрыве от актуальных методологических проблем частных наук и запросов общественной практики может обернуться формализмом, схоластикой. Они призывали не подменять конкретный анализ философских вопросов, выдвигаемых развитием науки и практики, простым перефразированием произведений Гегеля. Тенденции такого рода имели место в конце 20-х — начале 30-х годов, когда, по воспоминаниям писателя А. Гладкова, Гегель «был на слуху у всех».² Типичным примером «решения» философских проблем с помощью непереваренных гегелевских цитат могут служить работы И. Я. Вайнштейна.³ Но механисты впадали в другую крайность — пытались вообще зачеркнуть какое бы то ни было положительное значение разработки «диалектиками» проблемы «Гегель и диалектический материализм», усматривая у своих противников лишь ошибки. Между тем такая оценка была огрубленной.

В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс отмечал, что весь предшествующий материализм, включая фейербаховский, был созерцательным, а «деятельную сторону» развивал до сих пор идеализм, особенно немецкий (от Канта до Гегеля); однако идеализм не смог превратить эту «сторону» в суть дела, поскольку не признавал конкретной человеческой деятельности как таковой. Лишь в марксистско-ленинской философии проблема человеческой деятельности — предметно-преобразующей и познавательной — стала ключевой, центральной и получила рациональное решение. Под указанным углом зрения следует рассматривать и разработку проблемы соотношения гегелевской и диалектико-материалистической философии в советской философской науке 20-х годов. Наряду с вопросом о «деятельном начале» в центре

² См.: Гладков А. Виктор Кин и его время. — «Новый мир», 1965, № 11.

³ См.: Вайнштейн И. Я. 1) Организационная теория и диалектический материализм. М.—Л., 1927; 2) Гегель, Маркс, Ленин. М.—Л., 1930.

нашего внимания будет вопрос о соотношении абстрактного и конкретного, о конкретности мышления. Оба они в домарксистской философии в наиболее резкой и отчетливой форме были поставлены Гегелем и решены им на идеалистической основе.

Из посвященных этому публикаций наибольшую известность получила большая статья А. М. Деборина «Гегель и диалектический материализм» — предисловие к изданному в 1929 г. первому тому сочинений Гегеля. В этой и других работах А. М. Деборина того времени содержались ошибки фейербахианского и гегельянского толка, вызвавшие резкую критику, в которой, однако, наряду с правильными замечаниями было много преувеличений, излишне заостренных формулировок и т. д.

А. М. Деборин иногда действительно недостаточно четко решал вопрос о противоположности материалистической диалектики идеалистической диалектике Гегеля. Он утверждал, что диалектический материализм представляет собою синтез диалектического метода Гегеля с материалистическим пониманием природы и истории.⁴ По мнению Деборина, метод Маркса отличен от гегелевского в двух взаимосвязанных отношениях: во-первых, по своему теоретико-познавательному основанию, во-вторых, в смысле иного решения вопроса об отношении абстрактного и конкретного, о начале (исходной абстракции) и общем характере всякого научного исследования. И то и другое непосредственно связано с материалистическим мировоззрением К. Маркса.⁵

Гегель решил основную гносеологическую проблему, продолжает А. М. Деборин, в плане абстрактного монизма, идеалистического понятого тождества мышления и бытия, субъекта и объекта. С точки зрения материализма мышление и бытие и едины, и противоположны друг другу. Человек есть продукт природы. Природа порождает мышление, которое познает, отражает ее. Между мышлением и предметом стоит как соединительное звено чувственность. Подобно тому как чувственность есть примитивная форма мышления, мышление является универсальной чувственностью, отличаясь от нее лишь большей степенью объективности. Единство субъекта и объекта выражается в том, что субъект — телесное, материальное, чувствующее и мыслящее тело. Именно поэтому первоначальной противоположностью субъекта является тело, которое неразрывно с ним связано. В противоположность абстрактному мышлению тело есть объек-

⁴ См.: Деборин А. М. Диалектика у Канта. — В кн.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 1. М., 1924, с. 14.

⁵ См.: Деборин А. М. Гегель и диалектический материализм. — В кн.: Гегель. Соч., т. 1. М.—Л., 1929, с. XXXI (с. 544). Поскольку цитируемая статья была перепечатана без изменений в сборнике А. М. Деборина «Философия и политика» (М., 1961), в скобках здесь и далее указаны страницы и по данному изданию как более доступному.

тивный мир. Посредством тела Я уже не Я, но объект, говорил Фейербах.

Как видно, автор рассматриваемой статьи прошел мимо тезисов К. Маркса о Фейербахе, в которых на первый план вынесено диалектико-материалистическое понимание практики и которые Ф. Энгельс характеризовал как «гениальный зародыш нового мировоззрения». Общегносеологическая установка А. М. Деборина в данной статье отягощена влиянием фейербахизма, т. е. элементами антропологизма, игнорирования социально-практической природы мышления, скачка от чувственности к мышлению и т. д.

Подобного рода интерпретации диалектико-материалистической теории познания — на базе натуралистического монизма — давали повод противникам марксизма утверждать, что сторонники диалектического материализма разошлись с учением К. Маркса и возвратились к домарксовому, созерцательному материализму. Этот тезис приобрел буквально силу предрасудка в современной буржуазной и ревизионистской философской литературе. Так, И. Бохенский заявляет, что современный диалектический материализм, выражающий идеи В. И. Ленина, «не содержит ничего нового по сравнению с тем, чему учили материалисты 18 и 19 вв. и что давным-давно преодолено в западной философии». ⁶

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение лишь в узких рамках «первого начала», основного гносеологического тезиса материализма о первичности материи, т. е. объективной реальности внешнего мира, и вторичности сознания как отражения объективной реальности. Но диалектический материализм, в отличие от метафизического, созерцательного, всегда связывает указанное «„начало” с продолжением и концом». ⁷

«Продолжение и конец», если воспользоваться ленинским выражением в контексте рассматриваемой проблемы, заключаются в данном случае в утверждении, что основой процесса познания является общественно-историческая практика, что сознание человека не только отражает объективный мир, но и в известной мере творит его в процессе практической деятельности. «Теоретическое познание должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении в себе и для себя. Но человеческое понятие эту объективную истину познания „окончательно” ухватывает, уловляет, овладевает ею лишь когда понятие становится „для себя бытием” в смысле практики». ⁸ Понятие отражения в марксистско-ленин-

⁶ Bochenski Josef M., Niemeyer Gerhart. Handbuch des Weltkommunismus. Freiburg — München, 1958, s. 29.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 264.

⁸ Там же, с. 193.

ском понимании включает в себя не только идеальное воспроизведение объекта, но и его мысленное преобразование, мысленный проект будущих действий.

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что единство и взаимодействие субъекта и объекта существуют и реализуются в рамках и на основе общественно-исторической практики, в которой идеальное (цели и проекты человека как субъекта трудовой и познавательной деятельности) воплощается, переходит в материальное, а материальное — объективный мир — отражается в сознании человека. Поскольку «законы внешнего мира... суть основы *целесообразной* деятельности человека»⁹, практика осуществляется по законам, не зависящим от людей, и имеет объективно-реальное значение, онтологический статус. Объективный процесс изменения мира, по мысли В. И. Ленина, протекает в форме природного процесса (механического, химического и т. д.) и в форме целеполагающей деятельности людей,¹⁰ в которой обеспечивается единство и общность исторического мира человека и мира природы.

Конечно, диалектико-материалистический монизм должен быть конкретным монизмом, вскрывающим специфические особенности каждого этапа и сферы развития объективного мира. Из того, что мир, в котором человек живет и действует, есть мир искусственный, созданный исторически развившимися промышленностью и производством, вовсе не следует, будто К. Маркс отрицал генетическое первенство природы или естественный генезис человека и человеческого общества из органического мира. Напротив: единство материального (природного и социального) бытия требует исследования происхождения социальной организации из условий и обстоятельств природного мира.¹¹

Уже в советской философской науке 20-х годов было показано, что Марксово требование рассматривать действительность в форме конкретной человеческой деятельности постоянно «витало» перед умственным взором В. И. Ленина¹² начиная с ранних его работ и кончая специальной формулировкой в 1921 г. указанного требования в виде одного из принципов диалектической логики. Марксизм переносит решение проблем знания из сферы созерцания, «чистого» познания, «интуитивного

⁹ Там же, с. 169.

¹⁰ См. там же, с. 170.

¹¹ См.: Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный историзм. М.—Л., 1933, с. 119. — Данная работа включена в издание: Асмус В. Ф. Избранные философские труды. Т. 2. М., 1971.

¹² Невский В. И. Ленин как материалист в своих первых работах. Л., 1924, с. 36.

видения» в сферу активной предметной деятельности, революционной практики.¹³

Следует отметить, что в работах А. М. Деборина встречались отдельные верные замечания такого рода. Так, критикуя сведение Г. Лукачем диалектики к идеалистической интерпретации практики, взаимодействия субъекта и объекта, А. М. Деборин отмечал, что материалистический смысл взаимодействия субъекта (общества) и объекта (природы) заключается в понимании его (взаимодействия) как процесса борьбы общества с природой, как материального производства, чувственно-человеческой деятельности, практики, в которой дана непосредственная связь субъекта и объекта, их действительное материальное единство.¹⁴ А. М. Деборин подходит к той верной мысли, что если понимать практику как конкретное единство всего общественно-исторического процесса, в орбиту которого вовлечена и охваченная человеческим воздействием природа, то в этом смысле практика является ключевой категорией марксизма, позволяющей вскрыть своеобразие диалектико-материалистического монизма в отличие от натуралистического. К сожалению, подобные замечания, свидетелемствовавшие об отходе А. М. Деборина от концепции натуралистического монизма, не были последовательно развиты и применены в теории познания и диалектической логике.¹⁵

Возвращаясь к статье «Гегель и диалектический материализм», напомним, что ее автор усматривал второе отличие метода Маркса от метода Гегеля в ином решении вопроса о соотношении абстрактного и конкретного, об исходной абстракции научного исследования.

Исходное начало гегелевской логики — чистое бытие, которое есть чистое ничто, т. е. чистая мысль. Для того чтобы дать правильное определение понятию бытия, считает А. М. Деборин, необходимо предварительно решить проблему единства и противоположности мышления и бытия. Гегелевское отвлеченное бытие и ничто так обескровлены, что из них ничего реального, никакого движения или становления получиться не может. Изображая процесс становления, развития, мы должны исходить не из абсолютно неопределенного бытия, так как с точки зрения материализма такового нет (материя, или бытие, всегда существует в какой-либо форме, как-нибудь определена), а из относительно неопределенного бытия, которое в то же время достаточно определено. Процесс духовного воспроизведения кон-

¹³ Асмус В. Ф. Диалектический материализм и логика. Киев, 1924, с. 216. — Эта работа включена во второй том «Избранных философских трудов» В. Ф. Асмуса.

¹⁴ Деборин А. М. Философия и марксизм. М.—Л., 1926, с. 126—127.

¹⁵ Значительный шаг вперед в этом направлении представляет статья А. М. Деборина «Проблема познания в историко-материалистическом освещении» («Под знаменем марксизма», 1934, № 4).

кретного в мышлении совершается на путях аналитического выделения абстрактных, односторонних отношений конкретного живого целого и их последующего синтезирования в мысленную конкретную целостность как единство различных и противоположных определений.¹⁶

Положительно оценивая общее представление А. М. Деборина о соотношении абстрактного и конкретного, нельзя не отметить, что, во-первых, лишь мимоходом упомянул о поставленной Гегелем проблеме конкретности понятия, конкретности мышления. Во-вторых, тенденции натуралистического монизма (игнорирование социально-практической природы мышления и его форм), а также смешение онтологического и гносеологического аспектов исследования давали себя знать и в трактовке А. М. Дебориным категорий диалектики. Указанные моменты, наряду с другими обстоятельствами, затрудняли решение вопроса о систематизации категорий. Отмечая ряд основных недостатков гегелевской логики, автор тем не менее все же считал, что «в общем гегелевское построение (категорий. — В. К.) надо считать правильным и с материалистической точки зрения».¹⁷ Еще более ошибочным было высказывание Н. А. Карева о том, что материалистическим в философии Гегеля был именно метод.¹⁸

С более четких позиций подходил к решению рассматриваемого вопроса И. П. Подволоцкий, посвятивший большую статью ленинскому конспекту «Науки логики» (в связи с выходом в свет IX Ленинского сборника, в котором были опубликованы первые три из десяти «философских тетрадей» В. И. Ленина). По его мнению, создание системы категорий диалектики, которая отражала бы основные ступени движения познания, изменение форм практического отношения человека к природе, а также субординацию всеобщих существенных связей действительности, — дело будущего. Пока же можно указать лишь общий принцип связи категорий: их движение должно идти от абстрактного к конкретному, выражая углубление познания. Поэтому, вероятно, общий порядок основных категорий, развитых Гегелем исходя из данного принципа, является в целом правильным.¹⁹

И. П. Подволоцкий, как и А. М. Деборин, отмечает, что категории диалектики, являясь всеобщими формами мышления, служат опорными пунктами в научном познании, лежат в основе всякого научного знания, как эмпирического, так и теоретиче-

¹⁶ Деборин А. М. Гегель и диалектический материализм. — В кн.: Гегель. Соч., т. 1, с. XLVII—XLIX (557—559).

¹⁷ Там же, с. LV (563—564).

¹⁸ Карев Н. А. Проблема философии в марксизме. — «Под знаменем марксизма», 1925, № 8—9, с. 9.

¹⁹ Подволоцкий И. П. Ленинский конспект «Науки логики» и проблемы материалистической диалектики. — «Вестник Коммунистической академии», 1929, кн. 32(2), с. 43.

ского. Представляет интерес развиваемая ими мысль о том, что переход от эмпирического к теоретическому уровню познания в аспекте диалектической логики может быть рассмотрен как переход от категорий бытия, явления (качество, количество, мера и др.) к категориям сущности (причинность, необходимость, закон, противоречие, основание и т. д.).²⁰ Правда, оба автора не разграничивали проблемы соотношения в познании чувственного и рационального и эмпирического и теоретического, но подобное разграничение не проводится и по сей день в некоторых философских работах.

Возвращаясь к вопросу о конкретности мышления, отметим, что марксизм-ленинизм в решении его исходит из следующего положения: конкретное суть «единство общего, особенного и единичного» (К. Маркс), единство различных и противоположных определений, единство многообразного. Конкретность мышления, по В. И. Ленину, является одним из основных требований диалектической логики. Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна, поскольку абстрактной практики нет, практика всегда конкретна. Каждое истинное знание должно быть результатом отражения определенной практической деятельности, вне которой вообще нельзя ставить вопрос об истине и ее проверке. «... Вся человеческая практика должна войти в полное „определение“ предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку».²¹

Конкретность мышления заключается, в частности, в отражении предмета в его отношении к потребностям и интересам человека, в связи с тем, что практически нужно человеку в данной исторической ситуации. Именно практика задает, определяет конкретный аспект, форму рассмотрения предмета. Профсоюзы, указывал В. И. Ленин, не «с одной стороны школа а с другой — нечто иное», а со всех сторон — в данное время, при данных конкретных обстоятельствах — суть школа, школа объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов и т. д.²² Ленинское требование диалектического рассмотрения предмета конкретизирует первый тезис К. Маркса о Фейербахе: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и феербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно».²³

Опираясь на ленинские идеи, а также материалистически интерпретируя мысль Гегеля о конкретности понятия, И. К. Луп-

²⁰ О правомерности такого подхода см.: Бранский В. П. Философское значение проблемы наглядности в современной физике. Л., 1962, с. 29—76.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

²² См. там же, с. 292.

²³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1.

пол подверг резкой критике бухаринскую концепцию марксистской социологии, исходной абстракцией которой было абстрактно-всеобщее понятие «социальной системы вообще». ²⁴ В современной философской теории ²⁵ вскрыты логические принципы, способы отражения особенного (частного) в общем понятии. Такое отражение возможно благодаря тому, что в структуру общего понятия может входить признак, составляющий общий принцип различения предметов внутри обобщаемого этим понятием класса.

Значительный вклад в разработку проблемы «Гегель и диалектический материализм» внес А. К. Топорков, первым в советской философской науке 20-х годов обратившийся к ее анализу. Исходная посылка его работ — тезис о теснейшей, неразрывной связи философского метода с философской теорией, философской системой. Поэтому нет и не может быть некой «нейтральной» диалектики, которая равно годится и для материалиста, и для идеалиста. Нельзя думать, неоднократно отмечал А. К. Топорков, что метод Гегеля был чисто внешним образом связан с его системой, что их можно легко отделить друг от друга; напротив, они взаимно себя полагают и дополняют. Поэтому К. Маркс, «заимствуя» диалектику у Гегеля, но совершенно не разделяя его онтологических посылок, должен был существенно переработать, преобразовать и его метод. Никким образом нельзя думать, что метод К. Маркса и метод Гегеля совпадают. А. К. Топорков доказывал существенное различие этих методов, анализируя решение К. Марксом и Гегелем вопросов о конкретном тождестве (т. е. единстве и различии) мышления и бытия, о конкретности понятия в диалектической логике. ²⁶

Нелепо было бы упрекать К. Маркса, подобно тому как упрекали Гегеля, в произвольных априористических конструкциях. Для Гегеля как абсолютного рационалиста понятие есть «свободная творческая мощь». Оно не отражает единство различных определений бытия, а порождает их, ибо действительность — инобытие понятия. К. Маркс же отправляется в теоретическом анализе от опыта, идет от чувственно-конкретного к мысленно-конкретному. Опыт, действительное, конкретное — начало и конец познания. Метод Маркса, резюмирует А. К. Топорков, монистичен и материалистичен. Отмечая обязательность для познания в свете диалектико-материалистической методологии

²⁴ См.: Луппол И. К. Основные моменты социальной методологии В. И. Ленина. — «Воинствующий материалист». Сб. II. М., 1925.

²⁵ См.: Резников Л. О. Проблема отражения особенного в общих понятиях. — В кн.: В. И. Ленин и вопросы философской науки. Л., 1970.

²⁶ См.: Звенигородцев Ник. Учение Маркса о понятии. — «Под знаменем марксизма», 1922, № 11—12, с. 53. — Поскольку основные положения данной статьи текстуально воспроизведены в книге А. К. Топоркова «Элементы диалектической логики» (М., 1928), мы считаем, что Звенигородцев Ник. — псевдоним А. К. Топоркова.

исходной эмпирической установки, широкой эмпирической основой теоретических обобщений, А. К. Топорков подчеркивает необходимость диалектического единства в познании теоретического и опытного моментов, выступая против идеалистического рационализма и одностороннего эмпиризма.

У Гегеля предмет мысли и сама мысль по существу тождественны. Автор «Науки логики» видит основание этого тождества в самосознании, в рассмотрении субстанции как субъекта, как понятия. Сводя противоречие мышления и бытия к такому основанию, Гегель дает логической теории идеалистическое истолкование: объект тождествен с субъектом, с «я» в акте понимания. Субъект, «я» становится объективным как «чистая мысль».²⁷

К. Маркс, продолжает А. К. Топорков, отвергал как дуализм познаваемого и познающего, так и идеалистическое тождество мышления и бытия. Идеалистическая диалектика имеет тот недостаток, что она носит абстрактный, отвлеченный характер. В гегелевской философии мысль не была действительно конкретной. Хотя чистое самосознание в ней и было деятельностью, однако эта деятельность все же оставалась отвлеченной, не была «конкретной человеческой деятельностью» (К. Маркс). Но где же искать действительное единство субъекта и объекта, общества и природы? «Совпадение изменения обстоятельств (т. е. внешней среды. — В. К.) и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*».²⁸ Противоречие субъекта (общества) и объекта (природы) разрешается в великом всемирно-историческом процессе практической деятельности людей. Так возникает, резюмирует Топорков, новая постановка основного гносеологического вопроса, которая дает ключ к решению всех других проблем гносеологии. Диалектико-материалистическое понимание общественно-исторической революционной практики устраняет мистицизм идеалистической диалектики.

Самое самосознание, с точки зрения К. Маркса, должно быть объяснено из конкретно-исторических условий человеческого существования. Чтобы перейти от отвлеченного человека Фейербаха к действительным живым людям, необходимо было изучить их в их исторических действиях. К. Маркс заменил в своей логике гегелевское идеалистическое толкование самосознания самосознанием революционной практики. Поставленные Гегелем проблемы конкретности мышления, конкретного тождества мышления и бытия могут найти свое правильное решение, по мнению Топоркова, только на почве исторического материализма К. Маркса. Действительным, объективно-истинным, конкретным познание становится в том случае, если оно ориентировано на

²⁷ Там же, с. 56.

²⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 2.

предметно-практическую деятельность людей. Это существенным образом отличает теоретико-познавательную позицию диалектического материализма от гносеологии материализма XVIII в. В материализме XVIII в. предмет дан человеку через ощущения и последующую работу мысли. В диалектическом материализме предмет дан человеку не только теоретически, но и практически. А. К. Топорков приближался к той верной мысли, что в диалектико-материалистической теории познания быть объектом — значит существовать вне и независимо от сознания субъекта и вместе с тем быть предметом его практической и познавательной деятельности.²⁹

В статьях А. К. Топоркова 1922—1924 годов имеются глубокие замечания о единстве теории и практики у К. Маркса и В. И. Ленина. Он отмечал, что диалектика как философская теория развития объективного мира и его познания является теоретической основой всей практической деятельности В. И. Ленина, разработанной им стратегии и тактики революции.³⁰

Советская философская наука 20-х годов вплотную подошла к выводу, что познание, являясь по содержанию объективно-истинным отражением действительности, выступает в то же время формой деятельности субъекта. Относительная историческая правда немецкой идеалистической философии состояла в том, что она в самом познании открыла деятельную субъективную сторону.³¹ Говоря о собственной активности мышления, В. Ф. Асмус отмечал, что, конечно, в составе нашего знания есть такие стороны, которые зависят от форм и организации самого мышления.³² А. М. Деборин подчеркнул активную роль в научном исследовании логических категорий как орудий обобщения и установления отношений, связи и порядка явлений. Гегелевской идее самодвижения понятий как самостоятельных сущностей А. М. Деборин стремился противопоставить идею активности познающего субъекта. Только мыслящий субъект имеет дело с понятиями, поэтому их поступательное движение, переход друг в друга есть работа нашей мысли.

Эти положения являются конкретизацией ленинской мысли о том, что отражение объективного мира в сознании есть не фотографический акт, а сложный, диалектически противоречивый, зигзагообразный процесс, включающий — в определенных стадиях и моментах — «отход», «отлет» мысли от действительности («отступить, чтобы лучше прыгнуть», по выражению В. И. Ленина, т. е. глубже проникнуть в сущность вещей), предполагающий, стало быть, творческую активность познающего

²⁹ См.: Топорков А. К. Элементы диалектической логики, с. 124—127.

³⁰ См.: Звенигородцев Н. Ленин и диалектика. — «Под знаменем марксизма», 1924, № 8—9, с. 36.

³¹ Топорков А. К. Элементы диалектической логики, с. 55.

³² Асмус В. Ф. Диалектический материализм и логика, с. 11.

субъекта. Как было показано, В. И. Ленин конкретизировал и развил дальше тезис К. Маркса о «деятельном начале» в диалектико-материалистической философии, ключевой категорией которой выступает категория общественно-исторической практики. Поэтому часто встречающиеся в ревизионистской литературе попытки противопоставить В. И. Ленина К. Марксу в решении данного вопроса являются научно несостоятельными.

Поставив перед советскими марксистами задачу материалистической переработки гегелевской диалектики, В. И. Ленин вместе с тем дал и замечательные образцы такой переработки. Рассмотрение процесса реализации одного из моментов ленинского завещания советскими философами 20-х годов приводит к выводу, что разработка ими проблемы «Гегель и диалектический материализм» наряду с издержками и ошибками содержания и целый ряд плодотворных моментов, которые не следует игнорировать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нигилистические и механистические выступления явились своеобразной болезнью роста советской философской науки в 20-е годы. Правда, в завершающей своей фазе дискуссия с механистами приобрела ряд негативных моментов, которые уже нельзя было отнести всецело к издержкам роста. Но в заключение мы остановимся лишь на положительном значении дискуссии.

Самый главный ее результат — правильное решение вопросов об отношении диалектического материализма к «механическому» мировоззрению, об отношении диалектики Гегеля к материалистической диалектике, о сущности закона единства и борьбы противоположностей и т. д. Верно был решен ряд теоретико-познавательных вопросов и методологических проблем исторического материализма. Эти успехи были закреплены изданием систематического учебного пособия «Диалектический и исторический материализм» (в двух частях), подготовленного Институтом философии Коммунистической академии в 1932—1934 гг.

В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» показал, что естествознание не просто расширяет и укрепляет естественноисторический материализм, но неуклонно движется к более высокой и последовательной форме материализма — диалектическому материализму, переход к которому становится необходимостью. В этом плане дискуссия с механистами свидетельствовала, во-первых, о сложности и противоречивости процесса слияния материализма и диалектики в естествознании того времени, во-вторых, о постепенном повороте и переходе советских ученых от стихийного естественноисторического материализма к материализму диалектическому, марксизму как целостному мировоззрению. Философская неоднородность группы механистов заключалась, в частности, в том, что разные ее представители стояли на разных ступеньках этого перехода. Можно сказать, что этапы развития дискуссии явились этапами постепенного претворения в жизнь ленинского завета о союзе философии и естествознания. Дискуссия способствовала изживанию позитивистских воззрений на соотношение философии и науки у определенной части естествоиспытателей, пробудила интерес к диалектическому материализму у массы ученых-естественников, ранее не знакомых с марксизмом, углубила понимание диалектического материализма учеными, близкими к марксизму. К 1928—1929 гг. были созданы общества материалистов — физиков и математиков, биологов, психоневрологов и врачей и т. д. При участии этих обществ с 1928 г. начал издаваться журнал «Естествознание и марксизм», орган секции естественных и точных наук Коммунистической академии.¹

¹ В одной из передовых статей редакция журнала выступила против легковесного использования диалектико-материалистической терминологии

С другой стороны, дискуссия показала философам-марксистам, что для выполнения ленинского указания о всесторонней разработке материалистической диалектики необходимо не только историко-философское изучение образцов сознательной диалектики, но и философское обобщение достижений современного естествознания. Тут философам не обойтись без внимательного и серьезного изучения данных частных наук, без этого философия превращается в схоластику. «... Необходимо установить ныне, что не должно быть больше философов, которые не занимались бы хотя бы какой-либо конкретной наукой, диалектикой ее категорий и законов. Глубокомысленному пустословию должна быть объявлена решительная борьба. Покажите, что вы знаете диалектику, применением ее к конкретному предмету...»²

Решающим фактором верного решения поставленных в ходе дискуссии вопросов явилось освоение ленинского философского наследия, особенно публикация и обсуждение «Философских тетрадей». Прежде всего это относится к проблеме «Гегель и диалектический материализм», разработка которой в 20-е годы наряду с некоторыми издержками и ошибками дала и целый ряд плодотворных результатов. Именно в ходе полемики с философскими нигилистами и механистами, а также преодоления формалистического уклона был широко поставлен вопрос об изучении и дальнейшей разработке ленинизма как нового этапа в развитии марксистской философии.

Значение дискуссии с механистами заключалось также в том, что под ее влиянием в конце 20-х годов развернулась критика механицизма и вульгарного социологизма в политической экономике, психологии, литературоведении и т. д. Все эти дискуссии способствовали весьма активному, хотя часто и неумелому, применению диалектики в самых различных областях знания.

Отрадно отметить, что в последнее время в нашей историко-философской литературе наметился поворот к более внимательной и непредвзятой оценке советской философской науки 20-х годов, в освещении которой раньше преобладали темные тона. Это важное условие успеха в борьбе против современных буржуазных фальсификаторов истории марксистско-ленинской философии в СССР.

в естествознании: «Внешнее пристегивание марксистской фразеологии к конкретному естествознанию, поиски формальных «скачков», «единства противоречий», «перехода количества в качество» или одних только подтверждений диалектики в конкретном материале превращают самый революционный метод исследования в схоластическую беспомощную игру словами... Такое «применение» марксизма в естествознании только дискредитирует его» (Некоторые итоги и перспективы. — «Естествознание и марксизм», 1929, № 3, с. 4—5).

² Новый этап (К итогам II Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений). — «Под знаменем марксизма», 1929, № 5, с. 5.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Введение	3
Глава 1. Теоретические истоки нигилистических и механистических вы- ступлений	8
§ 1. «Механическое миропонимание» — конкретная форма естест- венноисторического материализма	—
§ 2. О философской эволюции А. А. Богданова и философских основах его тектологии	17
Глава 2. Дискуссия «диалектиков» с механистами	31
§ 1. В. И. Ленин и критика бухаринской концепции исторического материализма (1922—1925 гг.)	—
§ 2. В. И. Ленин и борьба с философским нигилизмом в СССР (1922—1926 гг.)	42
§ 3. Продолжение и завершение дискуссии (1927—1929 гг.)	55
Глава 3. Отступления механистов от марксистско-ленинской философии	68
§ 1. Ошибки механистов в гносеологии	—
§ 2. Извращение механистами материалистической диалектики . . .	78
Глава 4. В. И. Ленин и разработка проблемы «Гегель и диалектиче- ский материализм»	86
Заключение	98

Ксенофонтов Валентин Иванович

Ленинские идеи в советской философской науке 20-х годов

(дискуссия «диалектиков» с механистами)

Редактор *А. А. Кетегар*

Техн. редактор *Е. Г. Учаева*

Корректоры *И. П. Губерер, Л. А. Соловьева*

М-60007. Сдано в набор 20/V 1975 г. Подписано к печати 9/X 1975 г.

Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. тип. № 3. Уч.-изд. л. 6,8. Печ. л. 6,25.

Бум. л. 3,125. Заказ 611. Тираж 2800. Цена 49 коп.

Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова
199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

Лаборатория полиграфических машин Ленинградского ордена Ленина
политехнического института имени М. И. Калинина
195251, Ленинград, Политехническая ул., 29.

49 коп.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА 1975**